

Горизонт края света

Автор:

Николай Семченко

Горизонт края света

Николай Васильевич Семченко

Молодой журналист Игорь Анкудинов после окончания университета едет работать на север Камчатки – в Пенжинский район, известный на весь мир мощными приливами в устье реки Пенжина.

Именно через этот район на Камчатку когда-то шёл шёл отряд первых русских первопроходцев Владимира Атласова. Среди казаков был и некто Анкудинов – то ли родственник, то ли однофамилец.

Игорь Анкудинов поехал работать в редакцию маленькой районной газеты на север Камчатки, потому что надеялся: профессия журналиста позволит поехать по этим местам и, возможно, найти какие-либо следы первопроходцев.

Что из этого вышло – об этом читайте в книге...

Горизонт края света

Николай Семченко

© Николай Семченко, 2014

© Виталий Малаханов, фотографии, 2014

© Алексей Колесниченко, фотографии, 2014

© Анфиса Бразалук, фотографии, 2014

© Анна Лаврик, фотографии, 2014

© Александр Пироженко, иллюстрации, 2014

© Леонид Кищик, иллюстрации, 2014

Редактор Николай Семченко

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Вместо предисловия

Не люблю читать длинные и, скажем так, дотошные предисловия. Но, похоже, сам написал к своей книге подробное вступление.

У вас читатель, два пути: либо вовсе не читать предисловие (сам я, признаться, именно так и поступаю в некоторых случаях, так что совершенно не обижусь и пойму вас!), второй – прочитать всё же то, что написано ниже.

В повести, которую вам предстоит прочитать, два сюжета. Исторический сюжет связан с именем Владимира Атласова (по некоторым документам Отласов; он родился около 1661/1664, Великий Устюг – трагически ушёл из жизни в 1711, Нижнекамчатск). Это выдающийся русский землепроходец, сибирский казак. «Наше всё» Александр Сергеевич Пушкин назвал его «Камчатским Ермаком», а выдающийся учёный, один из первопроходцев-учёных Степан Крашенинников – «обретателем Камчатки».

Замечу, что первыми российскими исследователями Камчатки всё-таки были экспедиции Л. С. Мороско – И. О. Голыгина в 1695—1696 годах. Уже потом – Атласов.

В Википедии, которая нынче заменяет многим пользователям Всемирной Сети солидные академические справочники, энциклопедии и словари, отмечается: Владимир Атласов родился в Великом Устюге, службу по сбору ясака начал в 1682 году на реках Алдан и Уда. По некоторым источникам, его отец, Василий Тимофеевич Отлас, происходил из устюжских крестьян, переселившихся в Сибирь. В 1695 году пятидесятник Владимир Атласов был назначен приказчиком Анадырского острога. Разведав через посланного им казака Луку Морозко о Камчатке, Атласов весной 1697 с отрядом из 120 человек (60 казаков и 60 юкагиров) предпринял поход на юг от Анадырского острога, через Корякский хребет. Достигнув Камчатки, отряд Атласова разъединился. Лука Морозко со своими людьми отправился исследовать восточное побережье Камчатки, а Владимир Атласов – западный берег полуострова. Затем отряды снова объединились и их дальнейший маршрут пролегал по центральной части Камчатки. В ходе похода были захвачены четыре корякских острожка, поставлен на реке Кануч памятный крест и на реке Камчатке заложен Верхнекамчатский острог. Маршрут экспедиции закончился на южной оконечности полуострова, где из устья реки Нынгичу (Голыгиной) Атласов имел возможность наблюдать неизвестные ранее острова. Вернувшись затем в Верхнекамчатский острог и оставив там своих людей, Атласов отправился в Анадырь, а затем в Якутск (возвратился сюда в 1700 г.).

В Якутске он систематизировал собранные в ходе похода материалы, написав подробные «скаска», в которых сообщил о рельефе, климате, флоре и фауне, населении полуострова и близлежащих островах «через кои путь лежит в зело чудное Нифонское царство». К «скаскам» прилагалась и первая карта Камчатки. В 1701 г. воевода отправил Атласова с отчетом о походе в Москву. С собой он привез и потерпевшего кораблекрушение на Камчатке пленного «индейца» по имени Денбей (Дембей), который оказался японцем из города Осака. В документах Приказа артиллерии, где он стал служить переводчиком, его потом именовали «Апонского государства татарин именем Денбей».

В 1706 году Атласов вновь отправлен приказчиком на Камчатку со служилыми людьми и 2-мя пушками, причём ему дано было полномочие казнить инородцев смертью, а подчинённых своих наказывать «не токмо батогами, но и кнутом». И он усердно воспользовался на Камчатке этими полномочиями, восстановив

против себя и население, и своих подчинённых. Ему едва удалось спастись от своей взбунтовавшейся команды, бежать в Нижнекамчатск, где, однако, он был зарезан в 1711 году, по свидетельству одних, или скоропостижно скончался, по удостоверению других. Его преемником стал Данило Анцыферов.

В «Скасках» (их вы можете прочитать в виде приложения к этой книге) Атласов сообщил некоторые данные о Курильских островах, довольно обстоятельно привёл известия о Японии и дал краткую информацию о «Большой Земле» (Северо-Западная Америка). Академик Лев Берг отозвался об Атласове так: «Человек малообразованный, он... обладал недюжинным умом и большой наблюдательностью, его показания... заключают массу ценнейших этнографических и географических данных. Ни один из сибирских землепроходцев XVII и начала XVIII веков... не дает таких содержательных отчетов».

Кстати, когда «Скаска» попали в руки царю Петру I, он высоко оценил полученные сведения: новые земли и сопредельные с ними моря открывали широкие перспективы дальних плаваний в восточные страны и в Америку. Заинтересовал его и рассказ о Денбее. Именно по его приказу японец был срочно доставлен в столицу. Здесь после подробнейших расспросов он был представлен царю, который поручил ему учить японскому языку русских юношей.

Имя землепроходца Владимира Атласова упоминается во всех энциклопедиях и во многих книгах по истории Камчатки. Однако в прежние годы, особенно советского периода, его как бы канонизировали: он представал в образе исключительно положительного героя. Это не совсем так. Как и всякий живой человек, он ошибался, что-то любил и люто ненавидел, заблуждался... Не упоминался, например, такой факт: Владимир Атласов был осужден за разбой и четыре года провел в тюрьме, обычно это замалчивалось или подавалось в завуалированном изложении. Неправильно указывалось и отчество Атласова. Оно было установлено совсем недавно, а до этого его называли Владимиром Тимофеевичем или Васильевичем.

Атласов был, без всякого сомнения, одним из наиболее выдающихся представителей русских землепроходцев XVII века. Для него не существовали ни расстояний, ни опасности, ни природных препятствий. А то, что был крут характером и недостатки имел, так назовите мне других благопристойных, смиренных пионеров, шедших встреч солнца. Не назовёте, однако.

Другой сюжет книги связан с путешествием журналиста Игоря Анкудинова по Камчатке. Мне бы очень не хотелось, чтобы вы, читатель, отождествляли его и автора как одно лицо. Это всё-таки литературный герой со своей судьбой. Какие-либо совпадения с реальной жизнью прошу считать случайными и недействительными.

О Владимире Атласове и его времени можно прочитать, например, в таких источниках:

Толкачева Н. В., Российские историки о Владимире Атласове «Камчатка разными народами обитаема.»: Материалы XXIV Крашенинник. чтений: / Упр. Культуры Администрации Камч. обл., Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова. – Петропавловск-Камчатский: Камч. обл. науч. б-ка им. С. П. Крашенинникова, 2007. – С. 174—179.

?Полевой Б. П., Новое об открытии Камчатки. Ч. II. – в кн. Б. П. Полевой, Петропавловск-Камчатский «Камчатский печатный двор», 1997. С. 120—121.

? Полевой Б. П., Степанида Атласова, «Камчатка» : сб. Петропавловск-Камчатский, 1977

Оглоблин Н. Н., «Новые данные о Владимире Атласове»

Оглоблин Н. Н., «ДВЕ „СКАСКИ“ ВЛ. АТЛАСОВА ОБ ОТКРЫТИИ КАМЧАТКИ» – Чтения в Об-ве истории и древностей российских. М., 1891. Кн. 3; Сказки Владимира Атласова о путешествии на Камчатку // Записки русских путешественников XVI—XVII вв. М., 1988.

Леонтьева Г. А., «Якутский казак Владимир Атласов – первопроходец земли Камчатки», М., 1997; Полевой Б. П. Новое об открытии Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 1997. Ч. 2.

Додонов В., СЫСКОЕ ДЕЛО КАЗАКА ВЛАДИМИРА АТЛАСОВА

Горизонт края света

Романтическое повествование с двойным сюжетом

Встречь солнца

(Из записок журналиста Игоря Анкудинова)

Вэ И и другие

– Отпросись у Вэ И. Всего на два дня! – канючил Лёша. – Неужели не отпустит? Скажи, материал в газету напишешь – и дело в шляпе...

– Да что ты меня учишь! – рассердился я. – Знаешь, давай сходим к шефу вместе. Всё объясним, убедим – ум хорошо, два – лучше...

– Не-е, – закачал головой Лёша. – Я не пойду. Вэ И решит, что я для собственного удовольствия хочу поехать к Старому посёлку, да еще и тебя сманиваю...

Уже вторые сутки мы обсуждаем этот вопрос: как попасть на Сухую протоку, вернее – как убедить Вэ И отпустить нас туда на несколько дней. Неделю тому назад Лёша был в тех местах: уплыл на моторке в пятницу вечером, вернулся раным-ранёшенько в понедельник и в девять часов уже сидел на верхней ступеньке редакционного крылечка. Рядом с ним стояла жёлтая эмалированная миска, до краёв наполненная крупными бусинами черной смородины. На севере Камчатки ягоду не в садах собирают – зачем её выращивать, когда стоит отойти от поселка метров на пятьсот – и снимай урожай!

Угощая нас ягодой, Лёша как бы между прочим небрежно заметил: набрал три ведра смородины, две больших корзины белых грибов, каждый с ноготок – как раз на маринад, и еще выловил три десятка чиров.

Лёша родился и вырос на Пенжине, самой большой реке камчатского Севера. В нем слились две древние крови: отец – чукча Анкавыи, мать – эвенка Мария, в свои сорок пять лет не потерявшая свежего румянца и белозубой улыбки.

С детства Лёша зазубрил каждый куюм и пережат реки, как первоклассник – таблицу умножения. А уж мастера по копчению и засолке рыбы лучше его поискать еще надо. И в тот день он, кстати, готовил в своей самодельной коптильне тех самых чиров. Если эту рыбу чуть-чуть подсолить, провялить на солнце и сутки подержать в дыму кедрового стланика, то получается замечательный балычок: темная рыбина пахнет особенным, благородным ароматом, и с ее лоснящихся бочков нет-нет и упадёт капелька густого и прозрачного, как янтарь, жира. Такой чир только в Сухой протоке и водится.

– Лёша, а что если мы пообещаем Вэ И привезти несколько сухопротокинских чиров? Может, соблазнится?

– Что ты! – испугался Лёша. – Тогда точно подумает: на развлекуху едем. Нет, так и говори: хочется, мол, порыться в развалинах Старого посёлка, может, отыщем кое-какие экспонаты для районного музея...

– Ага, так он и купится на эти экспонаты, – хмыкнул я. – Одно дело: в газете о музее писать, просить читателей помочь ему кто чем может, и совсем другое – самому хоть одним пальчиком пошевелить. Если я уеду, на Вэ И дополнительная нагрузка ляжет: кто-то же должен делать макет, искать материалы в субботнюю страничку...

– Ну, скажи ему: мол, материал для репортажа на всю полосу привезёшь, – настаивал Лёша. – Мы и фотоаппарат с собой возьмём!

– Не убедительно. Лучше сказать правду. Будь что будет.

С тем я и отправился к шефу. Вэ И сидел за столом неподвижно и прочно. Он углубился в созерцание стены напротив, даже головы не повернул – ни дать, ни взять маленький восточный божок.

Я, переминаясь с ноги на ногу, осторожно кашлянул. Вэ И моргнул и, наконец, устало вздохнув, кивнул мне, переложил одну из папок, громоздящихся перед ним, на край стола и голосом великомученика спросил:

- С каким вопросом?

- Отпустите меня в Старый посёлок, всего на два рабочих дня! - выпалил я заученную наизусть фразу и, не давая шефу опомниться, так же скороговоркой продолжал:

- Мы уйдём вверх по Пенжине в пятницу вечером, в воскресенье уже будем на месте, пороемся там в развалинах, а во вторник к концу дня вернемся в Каменный.

- Кто это «мы»?

- Лёша и я.

- Ага, - сказал Вэ И, задумчиво пожевал губами и вздохнул:

- Шустрые!

Похоже, тема разговора ни капельки его не интересовала. Больше, пожалуй, занимала глупая сизая муха. Она то билась о стекло, то устало присаживалась на бледно-розовую шапочку герани, потирала лапками ушибленные бока и снова штурмовала стеклянную твердыню. А форточка, между прочим, открыта. Я тоже понаблюдал за мухой, усмехнулся и снова пошёл в наступление:

- Вы же знаете, что Лёша там был! Говорит: вода большая, пройдем! Возьмём с собой две-три лишние канистры бензина. На всякий случай. Так что не беспокойтесь: уже в среду буду сидеть в своем кресле.

- Ну-ну, - поморщился Вэ И. - Самоуверенный какой! Если вода малая, то никакой бензин не поможет. Название-то неспроста такое дано: Сухая протока...

Два последних слова он выговаривал медленно, по слогам, словно общался с человеком, плохо понимающим русский язык. Ну, или как с дебилом.

– В конце концов, – настаивал я, – мы просимся в Старый посёлок не ради своего удовольствия. Понимаете? Там сохранилась юрта Лёшиного деда, а в ней – деревянные пластинки. С одной стороны, вроде бы, исписаны кириллицей – с завитушками, крючками и точечками. Старославянская вязь, словом.

– А на другой стороне, – меланхолично продолжил шеф, – старик-эвен вёл записи на своём языке. Уже в сто первый раз слышу эту историю!

– Лёша утверждает, что сам видел эти записи.

– О, господи! – поморщился Вэ И и пристально посмотрел на меня, как это умеют делать, пожалуй, только психиатры. – Знаешь ли ты, Игорь, что у эвенов до революции...

–... октябрьского переворота, – механически поправил я и тут же прикусил язык: Вэ И, как бывший член бюро райкома компартии, терпеть не мог любых посягательств на свои идеалы, и уж тем более – на значение того события, которое люди его поколения именовали Великой Октябрьской социалистической революцией.

–... у эвенов до революции не было своей письменности, – стоически закончил фразу Вэ И. – Это научно доказанный факт. Может, старик просто что-то для забавы рисовал, а?

– В конце концов, – настырничал я, – отбросим версию об эвенской письменности. Но ведь среди русских землепроходцев были грамотные люди – они вполне могли сделать какие-то надписи на тех самых дощечках. Если удастся их отыскать и прочесть письма, то получится хороший материал! Для нашей же газеты стараюсь, Вольдемар Ипполитович.

Вэ И – так работники редакции называли шефа между собой: очень уж у него труднопроизносимое имя– отчество.

– Ну-ну! – улыбнулся Вэ И. – Убедил. Но если не вернёшься вовремя – смотри! – и выразительно покрутил указательным пальцем у моего носа. – И ещё вот что. Изволь сделать макеты газеты вперёд на номер. И, пожалуйста, поточнее их рассчитай. Ты уедешь, а выпускать «Полярную зарю», сам понимаешь, всё равно надо. В общем, постарайся...

– Какие материалы ставить будем?

– Вот, возьми, – шеф пододвинул мне стопку машинописных листочков. – Света Бояркина разгромный фельетон написала о нашей бане. В среду как раз заседание коллегии районной администрации, вопрос – работа коммунальных предприятий. Так что он будет кстати.

– Что-то здесь нет этого фельетона, – заметил я, просмотрев полученное.

– Я его ещё раз почитаю. Очень злой материал! Нас могут не понять: по такому частному факту столько желчи. И объём, опять-таки, великоват: двести строк. Так-то. Ну, ты иди, иди, прибрось пока макеты, да не забудь: минимум пять-шесть шрифтов на одной полосе!

И Вэ И пододвинул к себе телефон.

Не успел я захлопнуть за собой дверь редакторского кабинета, как Света Бояркина, округлив глаза, вопросительно уставилась на меня:

– Ну, как?

– Порядок! Уезжаю в Старый посёлок!

– Да я не о том! Он, – кивок в сторону голубой двери, – что-нибудь о фельетоне говорил?

– Как всегда: ни да, ни нет...

– Наяривает, наверное, в районную администрацию, – вздохнула Светка. – Что-то там скажут ему?

Корреспондент Бояркина работала в редакции полгода, после окончания Дальневосточного университета, и всё не могла привыкнуть к редакторскому «какбычегоневышло».

Наш посёлок Каменный не велик – чуть больше двух тысяч жителей, и все знают Вэ И в лицо, и он с каждым встречным по утрам приветствуется. А те, кого газета ненароком заденет, ещё чего доброго здороваться перестанут, десятой дорогой обойдут, хорошо ли? Про руководителей разных районных учреждений и организаций уж и говорить нечего: на заседаниях вместе сидят, на рыбалку, бывает, друг друга приглашают, к тому ж их жены между собой дружбу водят. И ведь это продолжается десятилетиями! Вэ И в Каменном живёт уже девятнадцать лет, а другие районные чиновники и того больше. Как они при советской власти руководили, так и сейчас продолжают делать то же самое.

– Ничего, Свет, – утешил я Бояркину, – авось всё будет хорошо.

Ольга Борисовна, районный радиоорганизатор (она работала в одной комнате с нами), поддержала Свету:

– Ты ведь правду написала! По месяцу горячей воды в бане не бывает, душевая не работает – безобразия! Про это люди и без газеты знают...

Минут через пятнадцать Вэ И распахнул свою голубую дверь и вышел в нашу проходную комнату. Он улыбался так широко, что его уши поднялись чуть ли не к затылку.

– Сам замглавы администрации, оказывается, в прошлую субботу полчаса у душевой простоял намыленный: горячая вода кончилась, – восторженно сказал он. – Так что ты, Светлана, попала в самую точку! – и поняв, что раскрыл чуть ли не интимную тайну чиновника районного масштаба, подмигнул нам: Ну, разумеется, это я говорю не для передачи в широкие массы, усекли? Так что он доволен: наконец-то «Полярная заря» принялась искоренять коммунхозовские недостатки...

Света смущенно потупилась. Ольга Борисовна, чуть приметно улыбнувшись мне, снова склонилась над бумагами. Уж она-то шефа давно раскусила: почти двадцать лет сидит в редакторах и в свои пятьдесят лет всё ещё надеется потихоньку-полегоньку сделать большую карьеру. А для этого нужно быть

на устах у всех и слыть защитником народа. Может, тогда хотя бы в депутаты областной думы изберут? Работёнка, по мнению Вэ И, не бей лежачего: сиди, сочиняй законы, шуми с экрана телевизора о всяком негативе, делай вид, что кидаешься на амбразуру в виде всяческого чиновничьего произвола – и всё нормально, ты – герой!

– Ну, ладно, с фельетоном решили, – продолжал Вэ И. – Не забывают, ребята: газету украшают и малые информационные жанры, как-то: заметки. Так что – за телефоны!

К этому нам не привыкать. Порой целыми днями только и знали, что крутили телефонные диски: звонили в сёла района, выспрашивали, что там у них происходит.

– Да-да, конечно, Вольдемар Ипполитович! – сказал я.

– Непременно насобираем информации, – пообещала Светлана.

– Ну, и я кое-что подброшу, – решила не отставать от нас Ольга Борисовна. – Информация – хлеб не только радио, но и газеты.

Лучше бы она вообще никогда никаких заметок нам не предлагала. Ольга Борисовна делала их просто: расшифровывала магнитофонные записи своих интервью, старательно переписывала всё, как есть, на бумагу и считала, что тем самым просто облагодетельствовала «Полярную зарю». Она не входила в штат редакции, числилась работником районного радиоузла, там и зарплату получала. Но ей было мало двух двадцатиминутных передач в неделю, к тому же она считала себя асом журналистики и любила смотреть на свою подпись на газетной полосе. А раз в неделю голос Ольги Борисовны будил Каменный по утрам. Каждую среду в начале восьмого утра из динамиков на кухнях слышалось: «А сейчас на проводе Каменный район, у микрофона районная журналистка Ольга Берус. Скажите, Ольга, чем живет сейчас пенжинская тундра?»

Эта вводка была одна и та же, хоть зимой, хоть летом, да и Ольга Борисовна в любой сезон тоже была одинаково жизнерадостна и громогласна. Обычно она говорила тихо, но стоило ей взять в руки микрофон, как её лицо отвердевало, в глазах появлялся азартный блеск и она начинала почти что кричать – так ведут

себя разве что организаторы спортивных соревнований, когда отдают в мегафон различные команды. Торжественно, на одном дыхании она выкрикивала в областной эфир то, что накануне уже звучало по районному радио.

– Ладно, люди, – сказал я Светлане и Ольге Борисовне. – Вы уж тут постарайтесь, а? А свои информации я потом отработаю. Меня Лёша ждёт. Надо лодку готовить.

От редакции до реки хода пять минут. На берегу среди прочих лодочных сараюшек притулился и редакционный гараж с «Прогрессом». На Севере эта лодка – самое надёжное средство передвижения. Дорог тут почти нет, а если есть, то – грунтовки или зимники. Но поскольку всё село стоит на берегу реки, то люди предпочитают отправляться в путь водным транспортом. В штате редакции даже есть такая должность: моторист-истопник. Её-то и занимал Лёша Уяган.

Летом он исправно возился с нашим редакционным «Прогрессом», вечно что-то в нём обновлял и чистил, сваривал и клепал – в результате катер, сделанный лет двадцать назад в стране с уже не существующим названием – СССР, все еще держался на плаву. Зимой Лёша перебирался в кочегарку. Вдвоём с дедом Чубатым, своим напарником, он топил печи в редакции и типографии. Такая жизнь его вполне устраивала: он не мог обойтись без реки – душа требовала быстрой, в сиянии брызг езды, и азарт рыболова гнал его в бесчисленные протоки и на речные островки, где в небольших, круглых, как зеркала, озерах водились ленивые жирные караси. А зимой Лёша через сутки менялся с Чубатым и на целый день уходил в тундру. Охотился на куропаток, ставил сторожки для горностаев, соболей и куниц...

Надвинув козырьком ладошку на глаза, Лёша внимательно смотрел, как я спускаюсь к нему по косогору.

– Лёха! Полный порядок: едем!

– Ура!

Мы залихватски, как в молодежных голливудских фильмах, хлопнули друг друга ладонью по ладони.

– Катер на ходу, – сказал Лёша. – Только что мотор подшаманил. Сам удивляюсь, как он ещё держится...

Мы стояли на берегу, перебрасывались какими-то мало обязательными фразами и шутками, смотрели на медлительные, смирные воды Пенжины и вспоминали, как ещё совсем недавно, месяца полтора назад, эта притворюха буйствовала. Она несла глыбы льда, ревела, стремительно рвалась к морю, подминая всё на своём пути как рассерженная медведица. А потом, застыдившись, прикинулась тихоней: в иных местах, на перекатах, куропатка хвоста не замочит.

– Катер перегружать не стоит, – вслух размышлял Лёша. – Бензина возьмём впритирку – ни больше, ни меньше, сколько требуется. По малой воде, перегруженные, на перекатах застрянем...

– А вдруг не хватит бензина на обратный путь?

– А вёсла на что? И потом, может, заскочим по пути в то место, где кресты? А протоки там – как ручейки: перегруженные не пройдем.

– Какие кресты? Разве на Пенжине есть старое кладбище?

Признаюсь, я валял дурака. Ведь сразу понял, о чём идёт речь. И, чтобы справиться с волнением, этими дурацкими вопросами успокаивал прежде всего самого себя. Сколько раз спрашивал об этих крестах местных стариков, но они, до того словоохотливые, замолкали и лишь пожимали плечами: не видели, мол, не знают...

– Это не кладбище, Игорь, – ответил Лёша. – Есть на реке такое место: стоят два креста, один маленький, второй – большой, от старости уже наклонился...

– Старики говорили мне: не знают, мол, этого места.

– А ты им ещё ничем свою храбрость не доказал.

– Это-то тут при чём?

– Только не смейся, – тихо сказал Лёша, и это прозвучало у него по особенному таинственно, совсем как у первоклассника, собирающегося рассказать своим товарищам, уже и без того запуганными предыдущими рассказчиками, очередную страшную историю про какой-нибудь летающий гроб или говорящую голову. – Наши старики считают то место заколдованным и никогда туда не ездят. Нельзя! Говорят, там бродит какой-то дух...

– И ты тоже веришь в эти сказки? – съехидничал я. – Отстаёшь от века! Это раньше верили в чертей, лешего и всяких духов – теперь всё куда современней: НЛО, гуманоиды, ангар номер восемнадцать в штате Огайо...

– Смейся, смейся! Только старики не зря молчат, когда их о крестах спрашивают. Дед рассказывал: в пятидесятых годах приезжала сюда какая-то экспедиция, тоже интересовалась Старым посёлком...

– Ну и что же?

– А вот что! Свозили туда учёных, пробыли они на месте недели три, что-то откопали и тоже давай про кресты выпрашивать. Дед был смелым, плюнул на все запреты и предрассудки, повёз начальника экспедиции – показывать. К вечеру добрались. Темнело быстро. Ну, они раскинули палатку, перекусили, маленько спиртику дерябнули для согрева – и на боковую. И что ты думаешь? Среди ночи дед просыпается от подозрительного шороха: вроде, кто-то тихонько стучит по брезенту. Постучит-постучит, отойдёт, вздохнёт и снова: тук-тук-тук! Ва-а! Дед тихонечко ружьецо цап да спрашивает: кто, мол, тут? Начальник проснулся, тоже услышал звуки, испугался. А тут вдруг кто-то как захохочет да бряк о палатку – и тишина наступила, аж в ушах зазвенело. Дед возьми да осторожненько и выгляни. Смотрит: по реке вроде как женщина идёт, вся белая, будто из тумана. Так и ушла, ни разу не обернулась. Мужики едва-едва дождались утра и дунули с того места. На что уж учёный человек был тот начальник, а отважился после к крестам идти.

– Лёша, но ведь есть люди, которые на самом деле видели НЛО. Вполне здоровые, честные люди. Они наблюдали НЛО так же отчётливо, как твой дед – ту женщину-привидение. Но значит ли это, что на самом деле они видели то, что видели? Ученые считают, что, допустим, в различных зонах атмосферы накапливаются особые вещества. Они вступают друг с другом в реакцию – образуются скопления, которые ведут себя по-разному: то неподвижно зависают над землёй, то начинают двигаться за самолётом, повторяют его траекторию,

а то вдруг делают скачки в сторону. А на самом деле – ничего нет, иллюзия, обман! Всё вполне объяснимо. А людям кажется: они видят НЛО, а не скопления каких-то веществ, или оптические блики, или падающий болид...

– Ну, я про это и сам в газетах читал – грамотный, – обиделся Лёша. – Белая женщина – не НЛО. Дед-то, между прочим, зорким был...

– Да верю я, верю, что они действительно что-то такое видели, но – пойми! – твой дед вместе с тем учёным настроился на что-то необыкновенное, их психика была возбуждена, – принялся я за объяснения. – Вполне возможно, над рекой шёл клубок тумана особой формы – они и приняли его за «женщину». А стучать по палатке и хохотать мог обыкновенный филин, ты и сам это понимаешь...

– Ваа! Разложил по полочкам! Что ты меня убеждаешь? Я сам грамотный, – насупился Лёша. – Одно меня смущает: дед не из робкого десятка, и если уж он перепугался – значит, неспроста. Вот мне и хочется понять: что же там такое...

– Кресты! И вполне объяснимые. Возьми карту Сибири и на ней найдёшь немало сёл: Нижние Кресты, Верхние Кресты, Средние Кресты... И просто – Кресты. Не понимаешь? Видишь ли, когда-то по этим местам шли первопроходцы. На стоянках и переправах они воздвигали деревянные кресты. Чтобы землю застолбить. А ещё – чтобы те, кто следом пойдут, знали, где можно, например, реки переплыть...

– Может, оно и так, – кивнул Лёша. – Ты не думай, я не пугаюсь того места. Боюсь только: если мы к крестам свернём, то не успеем вернуться к Каменному в срок. Вэ И будет ругаться...

Я понял, к чему Лёша клонит: не стоит говорить шефу об изменении маршрута, лучше всё сделать по-тихому, а там – пропадай, головушка! А если поставить Вэ И в известность, он, конечно, засомневается и никуда нас не пустит.

– Ладно, – засмеялся я. – Семь бед – один ответ!

Кое-что о родословных

Вечером, после работы, мы с Лёшей долго копались в моторе, прикидывали, чего и сколько возьмём с собой в дорогу, намечали кратчайший маршрут. А над нами малиново полыхали небеса – стояла белая ночь. Высоко в небе караваном чудесных птиц тянулись облака. Где-то тихо-тихо пел ручей, перескакивая с камешка на камешек, и этот звук отчего-то тревожил сердце. Чу! Вскрикнула неподалёку дикая утка, и тут же забила по воде крылья: это стайка чирков, испугавшись чего-то, стремительно взлетела над заливчиком.

Вытянув головки, как стрелы, пущенные из лука, птицы поднимались всё выше и выше. Они словно стремились к чуть бледнеющему созвездию Атага – Утячье гнездо. Так на Пенжине называют Плеяды.

Разошлись мы поздно, и в ту ночь я долго не мог уснуть. В голову лезли разные мысли. Всё больше, конечно, о предстоящем путешествии, о том, зачем нужен мне этот Старый посёлок и какие-то допотопные кресты. Ну, не странно ли это?

Начнём с того, что и фамилия у меня какая-то странная – Анкудинов. Вроде как не русская, хотя по паспорту значусь русским. Раньше я особо об этом не задумывался, да и над фамилиями других людей головы не ломал: был бы, как говорится, человек хороший. Но однажды девушка Лена, которая мне нравилась, сказала: «Ты не похож на бурята, а фамилия у тебя явно бурятская. Почему?»

Вроде, и вправду не похож: лицо обычное, может, только чуть-чуть скуластое (это от худобы, наверное), серые глаза с лёгким прищуром, вполне русский нос, волосы светлые... В общем, парень как парень, не высокий и не маленький, не качок какой-нибудь, но и не хилый – из тех, на кого женщины смотрят, не смущаясь, не заливаясь краской. Себя я оцениваю вполне трезво, и знаю, что не из породы красавчиков. Обычный. Разве что фамилия такая.

Та Лена училась в университете вместе со мной, была старостой группы. Старательная такая, аккуратная, симпатичная. Был я у неё «хвостиком»: она – в парк, и мне туда же надо, она – в музей, и меня следом несёт какая-то сила... Лена очень любила книги, и потому я тоже часто ходил в библиотеки. Следом за ней, конечно.

Хоть одно счастливое воспоминание осталось благодаря Лене: десятки прекрасных, умных книг я открыл именно там. А Лена? Как-то она призналась: выйдет замуж за хорошего, доброго человека, а в любовь не верит, всё это ерунда, потому что наши чувства – не что иное, как игра гормонов.

– Неправда, – ответил я. – «В твоих объятьях даже смерть желанна! Что честь и слава, что мне целый свет, когда моим томлениям в ответ твоя душа заговорит нежданно...»

– Не заговорит, – усмехнулась Лена. – Ты стихи Ронсара специально наизусть заучил? Чтобы поразить какую-нибудь неопытную девицу в самое сердце...

– Нет, не специально, – смутился я. – Разве можно объяснить чувства одной лишь химией тела?

Мы сидели, касаясь друг друга руками – не специально, просто так получилось: сиденье трамвая было узким, к тому же Лена поставила сбоку полиэтиленовый пакет с книгами, и места осталось совсем мало. Её маленькая ладонь была ни горячей, ни холодной, но её прикосновение заставляло меня сдерживать дыхание.

– А я вон там живу, в десятиэтажном доме с ротондой, видишь? – вдруг сказала она и показала рукой на помпезное здание. – Квартира номер сто сорок шесть. Сегодня родители уехали на дачу, и я осталась одна в трех комнатах, представляешь?

Я что-то такое угукнул в ответ, совершенно не понимая, на что она намекает. А трамвай как раз делал замысловатый крюк, проплывая мимо её дома, чтобы через минуту-другую остановиться чуть наискосок от него.

– Тебе не скучно в общежитии? – спросила Лена, вставая с сиденья. Пакет с книгами она почему-то не спешила подхватывать.

– Да нет, – ответил я. – Нормально!

– Может, поможешь мне? – она кивнула на пакет.

Я, всё ещё ничего не понимая, взял пакет, донёс его до дверей и, когда они распахнулись, сунул его в руки Лене:

– Пока!

– Анкудинов, ты что? – Лена удивлённо вскинула на меня глаза, пожала плечами и, засмеявшись, соскочила с подножки. – Совсем ничего не понимаешь?

Но двери уже закрылись, и мне пришлось проехать остановку, пересест на трамвай, идущий в обратную сторону, выскочить на Лениной остановке и, сломя голову, броситься к подъезду её дома. Но сколько я ни давал на звонок квартиры номер сто сорок шесть, даже малейшего шороха за дверями не услышал.

– А! Это ты? – услышал я за спиной. – Я за хлебом и кефиром в гастроном заходила. Любишь кефир на ночь, Анкудинов?

Лена насмешливо вздохнула и, открыв массивную дубовую дверь, пропустила меня вперед. Я хотел её обнять, но она спокойно перехватила мою руку и опустила её вниз:

– Спокойно, Игорь. Не сейчас. Сначала мы поужинаем...

То, что называется любовью, случилось часа через два, когда, наскоро перекусив и посмотрев программу новостей по ОРТ, Лена поставила на проигрыватель пластинку Эдит Пиаф: «Я ни о чём не жалею...»

Мне казалось, что она старательно репетирует задание или отрабатывает выученные накануне правила – всё делалось как-то слишком методично, правильно, несуетливо. Но я слишком долго ждал этого момента, и потому, наверное, был чересчур страстен.

– Не только мужчине, но и женщине иногда просто нужна разрядка, – сказала Лена и похлопала меня по спине прохладной ладонью. – А любовь тут ни при чём, Анкудинов. Но разве тебе от этого было плохо?

Плохо мне не было, но и хорошо – тоже. Тогда я ещё не отделял любовь от секса, и мне казалось, что это одно и то же. Лена была той первой женщиной, которая меня в этом разубедила.

На четвёртом курсе она вышла замуж за высокого красивого курсанта мореходного училища. Почти сразу после защиты диплома она родила сына, потом у них появилась квартира, а в ней – обстановка «на уровне», и какая-то навороченная машина-«японка» тоже появилась, и дача в районе Сад-города...

Как-то я был во Владивостоке, и Лена случайно встретилась мне на Океанском проспекте. Шла с вертлявой Нинкой Шпаковой, тоже нашей бывшей однокурсницей. Ну, затащила к себе – чаю попить, «за жизнь» поболтать. Сначала – ничего: почаёвничали, поговорили, а потом я вдруг обнаружил, что сижу в кресле, на которое наброшен китель её мужа – конечно, он и раньше висел на спинке, но заметил я его не сразу. И отчего-то не по себе мне стало: сижу на его кресле, попиваю чаёк, может быть, из той самой чашки, которой пользуется он, листаю книгу, которую читал он, разговариваю с его законной супругой, которую когда-то обнимал не совсем платоническим образом, ну и так далее.

Лена, наверное, так и не поняла, отчего я смутился, заспешил и буквально выскочил за дверь. «Анкудинов, ты как был диковатым, таким и остался, – изумлённо сказала она мне вслед. – Ей-Богу, в тебе степная кровь...»

Не знаю. Может быть.

Я так и не рассказал Лене, как, сидя за её спиной в читалке, листал однажды какую-то книгу о Семёне Дежнёве. Мне было всё равно, что читать – лишь бы рядом с ней находиться. В той книге описывалось историческое плавание этого первопроходца, которое началось 20 июня 1648 года. В путь отправилось семь кочей. Так назывались отличные для своего времени мореходные килевые суда. Они ходили под парусами и поднимали до двух тысяч пудов груза! На такой посудине с десятью-пятнадцатью мореходами можно было перевезти тридцать-сорок пассажиров. Вот как!

Особенно меня заинтересовал такой факт: одним из тех кочей командовал Герасим Анкудинов. Из девяноста участников плавания тридцать находились на его судне. Этот Герасим, вроде бы, не отличался порядочностью. Хотел

встать во главе экспедиции и потому подал в Нижнеколымский приказ челобитную о том, что обязуется добыть прибыли больше, чем обещали Дежнёв и Федот Попов – второй руководитель того похода. Может, он, честолюбец, и вправду нехорошо поступил. И сейчас иные из кожи вон лезут, чтобы перед начальством выслужиться. Однако просьбу Анкудинова не уважили. Хотя и был он смелым, бывалым и волевым человеком.

Плаванье вначале ничто не омрачало, но за Шелагским мысом налетел шторм и выбросил на берег два коча: они разбились, а люди погибли. Остальные пять судов за два с лишним месяца достигли мыса, который на всех картах называется теперь именем Дежнёва. А в те давние времена он значился как Большой Каменный Нос, и знали о нем русские люди лишь со слов чукчей.

Стояла непогожая осень, дули сильные холодные ветра. Идти по морю в шторм было трудно, и потому первопроходцы сделали остановку у Чукотского мыса. На пришельцев напали аборигены. И кочи снова вышли в море: русские не хотели сложить головы на чужом берегу. Силы были слишком неравными. Жестокий шторм вскоре разбросал суда по морю-окияну.

Кочи с Федотом Поповым и Герасимом Анкудиновым долго носило по крутым волнам, и в конце концов путешественников прибило к устью реки Камчатки. Они поднялись до её притока – речки Никул, где и зазимовали. По имени Попова эту речку стали называть Федтовщиною. А на одном из чертежей 17 века возле её обозначения дано такое объяснение: «Зимовья было два. В прошлых годах из Якуцка города на кочах были на Камчатке люди, а которые у них в аманатах[1 - аманат – заложник.] сидели те камчадалы и сказывали, а в наши годы с оных стариков ясак брали, два коча сказывали, и зимовья знать и поныне.»

Существует свидетельство, что, перезимовав, оба коча вышли в море, обогнули Камчатку и остановились на реке Тигиль. Очевидно, плователи погибли все до одного от лишений и болезней.

Так я встретился с однофамильцем, жившим много-много лет тому назад. У него было одно стремление: идти «встреч солнца», чтобы увидеть край земли.

Однажды, когда мне было пять или шесть лет, мама сказала, что есть такой полуостров Камчатка – край земли.

– Если это край – с него можно упасть, – наивно предположил я тогда. – Значит, там живут люди-неваляшки. Иначе бы они все давно упали! Но почему название такое: Камчатка?

И правда: что это за слово такое – «Камчатка»?

В студенчестве я этот вопрос попытался исследовать. И как-то вычитал у первого сибирского картографа Ремезова, жившего в конце 17– начале 18 веков, такие строки: «А на Камчатке приходят люди грамотные, платья на них – азямы[2 - азам – род верхнего платья, кафтана.] камчатные». От камчатных платьев, значит, произошло название? Нет, чукчи, эвены и коряки всегда предпочитали носить меховые одежды, а хлопчатобумажных, льняных и прочих тканей до прихода русских просто не знали. Ну, откуда ж тогда взялось это слово – «Камчатка»?

И однажды я получил ответ на этот вопрос от своей собственной бабки. Она жила в старинном городе Якутске, из которого три столетия назад казаки отправлялись на разведывание новых земель. Бабушка родилась в этом городе, закончила здесь институт, родила мою маму, вынянчила меня и никуда уезжать не хотела. Только однажды с неохотой в Трускавец отправилась, и то не поехала бы, если б врачи не пригрозили неминуемым инсультом.

Узнав о моем внезапном увлечении топонимикой, бабушка прислала кое-какие книжки и коротенькое письмо. Где же оно?

Перекладываю на столе книги, бумаги, чуть не опрокидываю вазу красного стекла. Это подарок ОВ.

ОВ – это инициалы: Ольга Владимировна. А ещё ОВ – значит, отравляющие вещества. Помню, в школьном курсе гражданской обороны значились все эти зарины, заманы и прочая гадость, способная отравить всё живое. Они объединялись в общее понятие ОВ – отравляющих веществ, от которых в случае войны нужно было спасаться в респираторах, противогазах, при этом ничего не пить и на всякий случай не есть.

ОВ была для меня почти что отравляющим веществом. Ну, что поделаешь: как увижу её – прямо дурею, всякое соображение кончается... Сто один раз давал себе клятву, что вижу её в последний раз, и ничего у нас быть не может, потому

что она мужняя жена, мать двух очаровательных девчушек, у всего посёлка на виду: единственный хирург в районной больнице, а при необходимости и терапевт, и окулист – серьёзная, в общем, женщина, и к тому же старше меня на целых три года. Вон, девчонок полно, подсчитано: в Каменном на одного холостяка приходится четыре незамужних дамы в возрасте от семнадцати до сорока пяти лет. Младше и старше в расчет не берем. А тут – мать семейства и всё такое. Ну, было дело – нашло какое-то помутнение на обоих, сошлись и раз, и другой, и даже вот эту вазу ОВ подарила мне на день рождения не случайно. «Если перестанешь во мне нуждаться, то поставь ее на подоконник, – сказала она. – И воткни в неё какую-нибудь сухую ветку. Я увижу и пойму, что любовь у нас засохла. И обойду твой дом стороной...»

Я, конечно, высмеял её выпренную и претенциозную выдумку. Но вазу почему-то очень берёг и никогда не ставил её на подоконник. А вдруг забуду вынуть из нее ветки вербы или лиловые ирисы? И они засохнут. А ОВ пойдёт мимо...

«И пусть себе проходит мимо!» – коварно шептал один мой внутренний голос. «Да ты что? С ума сошёл! – отвечал ему второй. – Как наш хозяин будет жить без любви?»

Может, вот так и начинается шизофрения. Расставшись вечером с ОВ, я хотел её забыть, а утром случайно встречал по пути на работу и понимал, что никуда мне от нее не деться. Но что я буду делать, когда вернётся с трехмесячных курсов в Хабаровске её муж? Ведь обязательно найдутся добрые люди, которые всё ему расскажут...

Всё это в течении какой-то секунды промелькнуло в голове, когда я подхватывал опрокинувшуюся было красную вазу. Но – уффф! – упасть ей не дал.

Рядом с вазой лежал толстенный фолиант «Описания земли Камчатской» Крашенинникова. Этой книгой когда-то зачитывался Пушкин и даже хотел написать роман о жизни камчатских аборигенов. Бабушкино письмо и лежало в этом темно-коричневом томе.

Так, развернём-ка сложенные листочки.

«Здравствуй, внучек Игорёк!»

Ну, тут про погоду, внезапный летний заморозок (как вам это словосочетание?) – пропустим это место. Ага, вот он, нужный фрагмент: « Слово «Камчатка» произошло, наверное, от якутского слова «камчаакытан», – писала бабушка. – Кстати, от своей матери слышала сказки о стране, называемой таким именем. «Камчаа» – глагол, обозначающий движение, колебание, «ыттан» – взбираться вверх, карабкаться. Вполне отвечает старинным представлениям о крае света: там много гор, которые трясутся, а из их нутра вырываются языки пламени...

А ещё, Игорь, было в русском языке такое слово – «камчатый», то есть кривой, извилистый. Может, название полуострова – от него? Ведь казаки увидели здесь немало петляющих рек, крутых сопок, кривых гор...»

Бабушка – преподаватель русского языка, и, конечно, уж ей-то виднее, от каких слов образовалось другое – Камчатка. Но, может, и она не права? В одной старинной книге я прочёл: когда первопроходцы открыли Чукотку и стали объяснять местное население, то узнали о существовании племени коряков.

Коряки – жители севера Камчатки, но кочевали и по территории чукчей: пасли тут стада своих оленей. От коряков русские могли услышать слово «кончалю» – так аборигены называли племя камчадалов, живших на реке Камчатка. Может произошла трансформация этого слова: Кончатка – Камчатка?

В общем, как бы там ни было, потянулся к новой земле вольный казацкий люд. И в числе первых волею судеб оказался мой однофамилец. Или не однофамилец, а родственник?

Как ни старался, узнал я о нём очень мало. В малоизвестном очерке всё того же Крашенинникова «О завоевании Камчатской земли, о бывших в разное время от иноземцев изменах и бунтах служивых людей» огнём ожгли меня строки о Федоте Попове:

«... весной на том же коче из устья Камчатки реки в море вышли и, обошед Курильскую лопатку, шёл по Пенжинскому морю до реки Пареня, где он с товарищами зазимовал.» И будто бы там кто-то из своих же казаков его зарезал. И тогда коряки, почитавшие русских выше смертных (как-никак у них имелись чудесные «огненные палки» – пищали!), убедились: пришельцы – не боги, они обычные люди, которые тоже умирают. И напали корякские воины на казаков, и побили их. Господи, это ж совсем рядом с Каменным происходило –

на реке Парень.

Кто мог набраться такой смелости – убить самого Попова? Наверное, это был человек, не желавший делить с ним власть? Может быть, Крашенинников, побывавший на Камчатке через сорок лет после её открытия, услышал от стариков-аборигенов ещё какие-то подробности, но не стал их описывать, отложил на потом? А «потом» не наступило... Но, возможно, он знал, что тем злодеем и был как раз Анкудинов, но ему не хватало веских доказательств? Наверяд ли русские люди, оказавшись в неизвестной стране, разъединились: один направил коч к Парени, а другой остался на Федтовщине. Скорее всего, они пришли на Парень вместе, и уже тут Анкудинов устранил соперника.

Впрочем, всё это – хлипкие догадки. Подтвердить или опровергнуть их могли те самые кресты, которые казаки обязательно ставили на переправах. А дощечки? Те самые, о которых говорил Лёше его дед. Может быть, действительно: с одной стороны их исписал какой-нибудь казак-первопроходец. И нет ли в тех записях сведений о первых русских людях, увидевших Парень и Пенжину? Ах, как мне хотелось это узнать! Словами, пожалуй, и не выразить это чувство, сладкое и мучительно щемящее. Оно возникает, когда столкнешься с каким-нибудь странным или загадочным случаем ли, фактом ли, но его причины не ведаешь – и эта тайна занимает и мучает тебя не меньше, чем любителя детективов при чтении романов Агаты Кристи.

Да, не спится что-то. Уже и книги полистал, и детство вспомнил, и бабушкино письмо перечитал, но – закрою глаза и – лежу, лежу, и хоть бы задремал – ну, никак! А тут ещё эта моя странная особенность: хорошо запоминаю запахи и краски, а через них – всё, что с ними связано. Вот и ромашки в красной вазе вызвали в памяти давнюю сценку. Стою на высоком зеленом пригорке, внизу – железнодорожная колея, а вдоль неё – розовый иван-чай, желтенькая «куриная слепота» – так мы, дети, называли лютики, но больше всего – ромашки! И в руках у меня большой букет из них. Жду поезда. Обычно в это время мимо села, не сбавляя скорости, проносился фирменный «Владивосток – Москва». О его приближении оповещало еле-еле слышное перестукивание колёс, будто где-то далеко блестящий молоточек весело забивал серебряные гвоздики – сначала осторожно, медленно, затем всё быстрее и быстрее, горячо и азартно – и, наконец, состав вылетал из-за поворота: за большим темно-зеленым тепловозом мчались красные вагоны с надписью «Россия». Мелькали окна, закрытые тамбуры, буферы, снова – окна... Я не успевал толком разглядеть людей, сидящих и стоящих за ними, но всё равно махал, махал им букетом

ромашек. Ах, как хотелось и мне туда, в уютное купе – это так замечательно: проехать всю страну, увидеть её и узнать! Меня тянуло неведомое, и с детства хотелось уехать в дальние края. Смотрел, бывало, на горы, смутно синеющие в легком мареве на горизонте, – только в ясную погоду показывались их вершины, – и представлял, как пойду к ним сначала по ровному полю, с него сверну в частые, светлые от берез рёлки[3 - рёлка – мелколесье], спущусь в логи[4 - лог – большое низкое место], а уж от них начнутся дауры[5 - даур – так называют в Приамурье возвышенности (сопки).], куда отец ездил зимой за дровами, тут придется продираться сквозь дебри, всё выше и выше – туда, где горы и облака, но за крутым перевалом, конечно же, – другая жизнь, новые люди, всё необычно, волнующе и прекрасно...

Как-то я рассказал о своей детской мечте ОВ. Она бросила на меня быстрый, насмешливый взгляд и медленно протянула:

– Рома-а-а-нтик... Надо же!

И, помолчав, добавила:

– Даже и не подумаешь, что зануды тоже бывают романтиками.

Может, в шутку, а может, всерьёз она называла меня занудой. Только за то, что однажды я рассказал ей о поисках, связанных с происхождением своей фамилии. Это показалось ей неинтересным и скучным занятием.

Не спится, не спится... И то ли прозрачно-белая ночь тому виной, то ли думы о предстоящем походе...

Подскочил я от резкого звона будильника. Прихлопнул кнопку, надеясь ещё минуту-другую подремать, но не тут-то было: снова раздался ехидный дребезжащий звук: проклятые часы не оставляли в покое, пока не кончался весь завод звонка. Это мамин подарок. Она прекрасно знала, что если меня не поднять сразу, то я снова задремлю и, конечно, просплю работу. И где она нашла именно такой будильник?

Через полчаса, побрившись и наскоро глотнув чаю, я прибежал в редакцию. Здесь всё шло своим чередом: трещали телефоны, Света одним пальцем что-то выстукивала на разбитой машинке «Украина», Ольга Борисовна прослушивала

магнитофонную запись, а из кабинета Вэ И доносился приглушенный бубнёж: шеф обсуждал с кем-то из районной администрации очередной критический материал – кажется, о свалках мусора на жилмассивах.

Я сходу занялся читкой полос, пытаюсь в перерыве дописать зарисовку о местном хлебопеке. Ближе к обеду Бояркина вдруг сообщила:

– Игорь, столовка сегодня закрыта. Санитарный день!

Вот те раз! У меня дома даже хлеба нет, и все запасы неперенных для холостяцкого быта болгарских голубцов и тушенки уже давно съедены, а банки из-под них с успехом использованы под одноразовые пепельницы.

– Ничего, – откликнулся из своего кабинета Вэ И: дверь была открыта, и он был в курсе наших разговоров. – Пойдешь, Игорь, к нам: Зоя Антоновна сегодня борщ обещала сварганить. Между прочим, с твоей картошкой...

Прошлой осенью я помогал Колобовым копать картошку. Они, как и многие каменцы, разработали на окраине села огородики. На таких участочках растут укроп, редис, лук-батун, репу и другой нехитрый овощ – витамины северянам особенно нужны после почти семимесячной зимы. За короткое лето успевала созреть и картошка. С её уборкой и вышла у Колобовых закавыка: Вэ И вызвали в Город на двухнедельные курсы, и никак он от них отвертеться не мог, а тут ещё Зою Антоновну разбил радикулит. Я работал в редакции второй месяц, ни с кем ещё толком не сдружился, и времени у меня было много. Вот и вызвался помочь Колобовым, а они ту картошку называли моей.

За обедом Зоя Антоновна была как всегда говорлива. Отчего-то снова затеяла выяснять, почему я попросился на работу в «Полярную зарю».

– У вас, Игорь, такой приличный диплом, – говорила она. – Наверное, при желании мог бы и на «красный» потянуть, да?

– Мог бы.

– А какие вам предлагали вакансии? Сейчас, кажется, распределения нет. Каждый устраивается, куда может...

– Были кое-какие предложения. Предлагали работу в Хабаровске, Благовещенске и Амурске.

– Выходит, романтика пересилила: Север, белые ночи, розовые чайки?

– Зоя, он не за романтикой и не за большими деньгами приехал, – вступил в разговор Вэ И. – По следам Атласова решил пройти. Так, Игорь?

– Ну, – кивнул я. – Неплохо бы по следам Попова и Анкудинова пройти, но они никаких сведений о себе не оставили, а со слов Атласова всё-таки записаны две «скаска»...

– Что? – не поняла Зоя Антоновна.

– «Скаска» – от слова «сказывать». Казаки, возвращаясь из походов, рассказывали приказным, что с ними приключилось в пути – словом, отчитывались, как бы мы сейчас сказали, о командировке. Это что-то вроде докладной записки...

– Как интересно! – учтиво всплеснула руками Зоя Антоновна. – Я об Атласове что-то такое слышала, краем уха... Вроде как он первым Камчатку открыл.

– Ну, не совсем так, – уклончиво ответил я. – Кто Камчатку открыл – это еще выяснять надо. А вот Атласов первым описал ее подробно...

– Он грамотным был?

– Судя по всему – да. Под «скасками» стоит его подпись: к сему, мол, документу якуцкий пятидесятник Волотьяка Атласов руку приложил, – я намеренно произносил слова так, как они в тех исторических бумагах написаны. – Между прочим, умный и наблюдательный человек был! Собрал ценную для того времени географическую и этнографическую информацию...

–... присоединил Камчатку к России и тем самым завершил эру русских географических открытий семнадцатого века, – продолжил, как по писаному, Вэ И. – Я тоже, знаешь ли, интересовался этим вопросом. И мне непонятно, почему Атласова считают первопроходцем Камчатки. Ведь первые достоверные

сведения о полуострове получены от Михаила Стадухина. Ты об этом знаешь?

– Конечно. Он оставил записки о Камчатке. В феврале 1651 года побывал здесь, на Пенжине-реке. В устье Оклана стадухинцы построили суда и на них вышли в море, в устье Гижиги они основали острог. А почти через шесть лет Стадухин объявился в Охотске. Тут и составил чертёж Северо-востока Азии.

Я отвечал старательно, как школьник, но тут Вэ И попытался меня срезать:

– Ну так его и следует считать первооткрывателем Камчатки!

– Не уверен. Ведь другие русские люди побывали на полуострове задолго до Попова, Анкудинова и Стадухина. Есть о том документальные свидетельства.

– Да какая разница, кто первым ступил на эту землю? – Зоя Антоновна кокетливо улыбнулась и поправила причёску. – Главное, что тут вполне можно жить – не тужить.

– Дорогая, человеку свойственно копаться в хронологической пыли, – ласково парировал Вэ И. – Правда, таких любителей сейчас считают.. хм... ну, не совсем обычными. Знаешь ли ты, Игорь, что о тебе поначалу в Каменном шла слава как о малахольном: какие-то следы какого-то Атласова ищет. А этот Атласов чёрт знает когда на Пенжине был.

– Подозреваю. Но охота, говорят, пуще неволи. Давно пытаюсь понять, почему Атласов почти не обмолвился о первых казаках, побывавших до него на Камчатке? Брал приступом укреплённые корякские острожки, надолго останавливался в Каменном – это место, кстати, Старым посёлком зовут. Нынешний Каменный – это совсем другой посёлок, взявший имя от того, исторического. От того Каменного до реки Парени недалеко. Неужели аборигены не рассказывали ему о Стадухине и других казаках? И что удивительно: Атласов не оставил тут ни одного креста, как требовал обычай первопроходцев. Значит, точно знал: это сделали до него другие. С полным правом он мог поставить знак только на реке Камчатке.

– Ну, ты даёшь! – развел руками Вэ И. – Неужели историки над этим не задумывались?

– Задумывались. Только ответов до сих пор нет. Вот мне и захотелось пройти путём Атласова. Вдруг что найду?

Колобовы знали, что последнюю студенческую практику я проходил в «Камчатском комсомольце». За три месяца изъездил весь полуостров, бывал на Севере. Тогдашний редактор молодежной газеты, зная о моей страсти, а также о бедственном положении ВЭ И (в глубинной «районке» люди подолгу не задерживались), выхлопотал мне вызов в «Полярную зарию». Знали бы вы, как я был рад! Ведь редакция этой газеты находилась прямо на берегу Пенжины, реки, которую не миновал ни один первопроходец!

В районе протекала и река Парень, а я просто бредил ею: на ней триста лет назад побывал Анкудинов и, значит, здесь, в районе Сухой протоки, должно стоять зимовье – то самое, в котором он переживал холода «со товарищи». Ну, не зимовье – так всё равно какие-то следы должны остаться. В конце концов, и сам Атласов тут бывал. Хорошо бы найти его следы. Короче, о лучшем месте для работы о мечтать было нельзя.

– Ладно, – сказал Вэ И. – Вернешься из Старого посёлка, отпишешься – и в новую командировку. Администрация просит подготовить целевую полосу о том, как живут оленеводы Таловского национального хозяйства. Очень актуальная тема.

– Да что вы все о работе да о работе, – перебила его Зоя Антоновна. – Вольдемар, принеси-ка лучше фотографии Деца!

Дец – это пудель, причем, какой-то умопомрачительно редкой разновидности. В данный момент он находился на другом конце России в кооперативной квартире Колобовых, за которой присматривала старушка-мать Вэ И. А странная кличка «Дец» очень легко объясняется: это последний слог слова «молодец».

Этим своим Децем Колобовы регулярно хвастались: и умница-то он – спит только на коврике, не рвет обувь, не скулит зря и хозяев по фотографиям узнаёт. И вообще – интеллигентный пёсик: помогает носить сумки старушке, временно исполняющей обязанности его хозяйки, а еще – поёт под музыку, с удовольствием смотрит телевизор. И родословная у него – закачаешься! Я этот документ видел – голова кругом пошла от безупречности имён и характеристик предков пуделька.

Не знаю, как Колобовы в своей родословной, а я дальше прадеда никого у себя не знаю. И как ни бился – не выяснил. Вот и имя Герасима Анкудинова покрыто для меня мраком неизвестности: то ли предок, то ли однофамилец...

Я послушно полюбовался фотографией Деца: надо же было как-то отработать славный обед. Ничего, симпатичный барбос. Правда, его морда показалась мне самодовольной и туповатой.

После обеда я быстро доделал макеты, забил в них все «дырки» информацией – спасибо Светке, постаралась, и к шестнадцати ноль-ноль был свободен. А через час мы с Лёшей отчалили от причала Каменного.

Отплытие

Наша моторка медленно проплыла вдоль берега: на возвышении – уютные двухэтажные домики, из-за них виднелась крыша дома культуры, медленно брела по берегу, понурив голову, лошадь Марта – вместе с двумя другими кобылами она исправно развозила воду по домам: водопровода в Каменном пока что нет, трубы перемерзают при пятидесятиградусном морозе. Сейчас Марта, похоже, отдыхала, а две её товарки отдувались за неё. Следом за кобылой бодро трусила бездомная лайка Роза с выводком серых кутят. Щенки нет-нет да и влаивали на парочку ворон, примостившихся на спине лошади. Тогда Роза останавливалась и, развернувшись всем корпусом, недовольно гавкала: свои, дескать, вороны, чего зря шумите? А птицы не больно-то и обращали внимание на собак, спокойно перебирая клювами короткую шерсть Марты.

– Э, эти вороны не настоящие, – презрительно сплюнул Лёша. – Только и знают, что по помойкам шариться да юколу с чердаков воровать. Настоящие вороны – в тундре. Наши старики считают их священными: живут эти птицы долго – две-три человеческих жизни, а то и больше. К небу близки, многое видят и слышат за свой век. Знаю место, где один старый ворон обитает: ещё мой прадед мясо в угощенье ему носил. Живёт он на одной территории, охраняет её от других воронов, никого не пускает. А поселковые никогда в тундру не летают, знают: настоящие вороны их туда не пустят – заклюют насмерть...

Марта со свитой скрылась за пригорком. Показались сети рыбаков из местной артели, пацаны с удочками. Но вскоре их не стало видно – Лёша прибавил скорости и «Прогресс» ходко помчался по воде. На левом берегу, километрах в пяти от райцентра, косили траву. Косари, как по команде, повернули к нам головы, помахали в знак приветствия. Травы здесь хорошие – сочные, выше двух метров.

Лодка проносилась мимо зарослей пышных чозений и чахлых берез, каких-то кустарников и редких, поросших густой травой островков. Шмыгали у кромки воды кулички, из прибрежных осин то и дело раздавались птичьи трели, а вдали, сколько хватало глаз, лежал сплошной узорчатый ковер – казалось, цвело всё, что только могло, даже самая махонькая былинка в конце июня стремится показать свою красоту и удаль. Тундра прихорашивалась, пела, улыбалась синевой озер.

Лёша заворачивал в какие-то бесчисленные проточки, потом «Прогресс» снова оказывался на просторах Пенжины – и опять узкие, глубокие каналы проток. Серебристые ветви чозении хлестали по лицу, пенилась за кормой вода.

Ближе к полуночи в кустах начал клубиться туман, он путался в высокой траве, наплывал полосами и становился всё гуще. Лёша заглушил мотор, вздохнул и сказал, что ночевать можно и в палатке: всё равно идти по реке нельзя – напорешься из-за тумана на какой-нибудь камень, сядешь на мель или пробьёшь днище о неприметную коряжину. Так чем под лодочным тентом устраиваться, уж лучше в палатке – просторнее и комфорту побольше.

И опять я долго не мог уснуть. Возился в жестком кукуле[б - кукуль – эвенский меховой спальный мешок], думал о том, давнем веке, о бородатых русских людях с серыми глазами, потом тихонько, чтобы не разбудить Лёшу, выкарабкался из палатки. На берегу я уселся на серую коряжину и стал вглядываться в полосы тумана. Их уже золотил близкий рассвет. Одно туманное облачко неожиданно приняло странную форму: будто маленький важный старик неспешно шествовал по тихой глади присмирившей Пенжины. Он чем-то напоминал старинного камчатского князца Иктеню. Его я сделал одним из героев своей повести, которую сочинял после работы. Никто об этом не знал, я почему-то стеснялся рассказывать о том, что занимаюсь сочинительством.

Я вернулся в палатку, достал из рюкзака толстую коричневую тетрадь, снова вернулся на коряжину и открыл первую страницу.

Мельгытанги – огненные люди

(Начало повести И. Анкудинова)

В тот день Иктеня, переваливаясь с ноги на ногу, как утка, обходил стадо своих оленей. Долго ходил – от кухлянки парок стал подниматься. Устал Иктеня смотреть на оленей, глаза заболели от мелькания копыт, рогов, спин. Он остановился, надвинул малахай на брови, резко крикнул пастуху Кутувье:

– В, откан кыетги коен![7 - Иди сюда! (корякск.)]

Кутувье не подошёл – подбежал. В глазах собачья преданность, только что носки торбасов у князца не лижет. Ещё бы! Старик обещал дать ему за работу трёх важенок. Значит, в месяц Колуооль-кулечь, когда станут реки и падёт снег, ему будет позволено вернуться в родное стойбище и отдать выкуп за невесту.

– Больные олени есть?

– Не видел, – схитрил Кутувье, хоть и знал: несколько важенок сбили копыта об острые камни, а это может бедой обернуться: начнется нагноение – и погибнут олени. Но скажи об этом хозяину – выгонит, перед родичами опозорит: не углядел, дескать, – ленивый да сонливый, такому и себя-то не прокормить, не то что жену и детей.

Иктеня засопел.

«Жалко, однако, хорошего олешку на еду переводить», – подумал он. Но очень уж ему хотелось власть поестъ нежного мяса, пососать костного мозга, да

и лым-лыном – оленьей жилой давно не баловался. Он представил, как долго-долго пережевывает её длинные эластичные пластинки, перекачивает их на языке, всасывает сладкий сок – и даже зажмурился от предвкушаемого удовольствия.

Однако князец был прижимист. Для него заколоть оленя – всё равно что палец себе отрубить. И потом, чем обширнее его стадо, тем он богаче и, следовательно, больше почета и уважения от соседей. Но в стойбище давно ждали свежинины, людям приелись юкола и квашеная рыба. Потому Иктеня пересилил себя и, обречённо махнув рукой, крикнул Кутувье:

– Зааркань хора, какой постарше, и к юрте приведи...

Пошёл Иктеня назад. В кустах тальника заметил следы. Должно быть, какая-то женщина ходила тут в лёгких торбасах. Уж не хозяйка ли леса Нонгаач?

Князец, присев, опасливо тронул рукой неглубокую вмятину в снегу. Ва-а, точно: она, Нонгаач! Снег, осыпавшись, спрятал след. Сверху остались крестики, похожие на отпечатки сорочьих лапок. Это не сулит ничего хорошего. Плохая примета! Когда духи леса приходили в тундру, они обычно приводили за собой духов беды.

Иктеня решил никому не говорить про Нонгаач. Может, ничего дурного и не случится. Зачем зря людей пугать? Но на всякий случай надо бы жертву духам принести: «Ваио коинг якнилалу гангева» – «На тебе, да и нам что-нибудь пошли», конечно: доброе взамен злого, и не сердись, Кута[8 - Кута – божество], не посылай больше зловредную женщину Нонгаач, пусть она в своей юрте сладким сном спит. За это князец решил надеть на жертвенный кол голову оленя – любимое лакомство Кута.

Иктеня подошёл к юрте и, не отряхивая снег с нерпичьих торбасов, ввалился в жилище. Ни на кого не глядя, он молча взял из угла копье и краем глаза заметил, как радостно переглянулись женщины: поняли, сегодня на обед будет оленья свежинина! Скупой хозяин редко кормил их досыта. Питались звероядиною, околевшими на дальних перегонах олешками да рыбой, взятой у береговых коряков.

Коряки разделялись на оленных и сидячих, которые жили вдоль рек в бедных тёмных землянках. А оленные люди на одном месте долго жить не любят – кочуют со своими табунами по всей северной части Камчатки, нередко заносит их даже во владения Канмамутея – на Чукотку. Он у чукчей считался верховным вождем, и они его во всём слушались. Не нравилось Канмамутею, когда чужие входили на его территорию. Тундра велика – ни конца, ни краю не видно, а вот, поди ж ты, определил чукотский владыка границы, и сородичам Иктени приходилось с этим считаться.

Коряки не в пример чукчам росту маленького, сухощавы, и в боевых искусствах слабее. Они предпочитали избегать стычек со своенравными соседями: худой мир лучше доброй ссоры. А вот своих береговых сородичей не стеснялись: выхвалялись перед ними, гордились, считали ниже себя – ведь сидельцы получали от них оленину, шкуры для одежды, меха на наряды. Когда в какой-нибудь острожок[9 - острожок – в значении: поселение] приезжал на упряжке пастух, пусть даже самый бедный, но – пастух оленей, все – и стар, и млад – выбегали ему навстречу, довольствовались во всем, выполняли всякое его желание и сносили любые обиды. Вот как почитали оленных людей!

Айга, самая младшая жёна Иктени, родом была из береговых. Её, четырнадцатилетнюю, отец отдал князю за свои долги. Прикрывая чумазую мордашку, она, как и другие жены, исподтишка глядела на своего повелителя.

Иктеня, не удостоив женщин взгляда, выбрался наружу и сразу увидел, как Кутувье, ловко размахнувшись, захлестнул чаут[10 - чаут – аркан] на рожках бычка-клеупечвака[11 - клеупечвак – молодой олень].

– Несчастья, одни несчастья! – подумал старик. – Здоровых оленей приходится забивать, эх-хе!

Он заметил, что клеупечвак прихрамывал – значит, рано или поздно погиб бы от болезни копыт. Князец облегчённо вздохнул и, подняв копьё, быстро засеменял к оленю. Перья на древке угрожающе встопырились ветер.

Не смотря на старость, Иктеня частенько упражнялся в метании копья, и не давал покоя своему старшему сыну Якаяку:

– Вставай, лежебока, бери копье, пойдём состязаться – кто дальше его бросит. Хорошо, в тундре нет сейчас чужих людей, но это не значит, что их нет совсем. Если придут они к нам с дурными намерениями, то надо суметь дать достойный отпор.

Якаяк научился метать копье, ездить на оленях, арканить хоров. Он, как и другие молодые коряки, знал, что ягель – олений корм заносит снегом глубоко не по всей тундре, и нужно уметь отыскивать новые пастбища. Если ты слабый, то далеко не уйдёшь и ничего не найдёшь. По глубокому снегу к стойбищу могут подкрасться враги – и тут, конечно, пригодится умение защищаться копьями. Без этого оружия даже на обычную разведку новых пастбищ ни один уважающий себя пастух не отправится. По тому, как мужчина владел копьем, судили о его силе.

Когда Иктеня, точно рассчитав движение, ударил бычка в шею, тот свалился на бок, и князец услышал радостный возглас женщин и пастухов: ритуал соблюден!

Клеупечвак без движения лежал на снегу, быстро черневшим от крови. Голова оленя была повернута на запад – хороший знак! Он безропотно поднялся на пастбища мира верхних людей, и это спокойствие сулило спокойствие жизни оставшимся на земле.

Тушу разделали быстро. Жёны Иктени, пряча руки в рукава кухлянок, внимательно следили за тем, чтобы пастухи не съели лёгкие и почки оленя – их любимое лакомство. Куски сырого мяса тут же бросали в чаны с кипящей водой и почти сразу вытаскивали обратно.

Князцу подавали самые жирные куски, и он, сопя, заглатывал мясо, почти не прожёвывая его. Наевшись, Иктеня довольно похлопал себя по брюху, и Айга поднесла ему широкую мозговую кость. Он наковырял горсть белого свернувшегося комочками лакомства и уже поднёс его ко рту, как вдруг в юрту вбежал Якаяк. Беспомощно пошевелив губами, как выброшенная на берег рыба, он наконец выкрикнул:

– Отец! Пришли мельгытанги – огненные люди!

– В своём ли ты уме? – изумился Иктеня. – Мельгытанги живут на Чукотке, сюда им не добраться...

– Они здесь! Их много-много: пальцев на руках иногда не хватает, чтобы пересчитать!

Недаром, ох, недаром Иктеня видел следы Нонгаач – знак ему был: снимайся сместа, кочуй по тундре! Лесная женщина и в прошлый раз привела за собой страшных огненных людей.

Мальгытанги пришли с Чукотки, с реки Анадырь, где стояло их жилище, окруженное укреплениями. Привёл огненных людей человек по имени Морозко. Из волшебных палок бородачей с громом вылетали молнии. Мельгытанги велели отдать им все меха, какие были в стойбище Иктени. Взамен дарили бисер – пригодился он женщинам, вон как красиво расшили кухлянки. И ножи давали, и пальмы[12 - пальм – нож на длинной рукоятке]. Но таким подаркам князец не радовался. Благополучие и свобода его рода могли пошатнуться, исчезнуть, как дым костров в ночном небе. И тогда Иктеня собрал самых верных сородичей и напал на мельгытангов. Их было всего четырнадцать человек, но огонь, вылетающий из чудесных палок, помог пришельцам одержать победу. Они взяли троих самых сильных и знатных воинов в аманаты и пообещали отпустить их из Анадырского острога, если коряки станут исправно платить ясак. Мех был нужен Большому Огненному человеку – царю. Так объяснили пришельцы.

Мельгытанги ушли, и обманул их Иктеня – откочевал на новое место, далеко-далеко, за три перевала, и больше не нашли его огненные люди.

Коряки прослышали, что в том походе Морозка обнаружил на Морошечной реке странные письма. На кириллицу буквы совсем не походили. По белым плотным листам словно птицы набродили лапками, измазанными чёрной краской. Никто из мельгытангов не понял, что там было написано. Но Иктеня знал, что над теми бумажными листами шаманили желтокожие люди, захваченные в плен боролатыми курильцами[13 - бородатые курильцы – так в старину называли айнов – коренных жителей Курильских островов]. Они обмакивали тоненькие кисточки в густую жидкость и выводили таинственные знаки. Тех иноземцев у курильцев отбили камчадалы[14 - камчадалы – народность, живущая на Камчатке и поныне].

И у камчадалов они тоже шаманили – рисовали странные значки. Не злых ли духов вызывали? На всякий случай камчадалы отобрали у них бумагу и сосуды с черной жидкостью.

Из желтокожих людей, живших в неволе в одном из стойбищ близ реки Ича, вживых остался только один – Денбей его звали. Он тосковал по той стране, где родился, называл ее Ниппония и часто забирался на сопку, как-то чудно садился в траву, скрестив под собой ноги, и неотрывно глядел в сторону востока.

Иктеня решил, что это именно Денбей вышаманил огненных людей. И мысли его совсем смешались, страшно ему стало: зачем так худо встретил мельгытанина Морозку, зачем смеялся над камланием Денбея? Что теперь делать, как быть?

Снова грянул гром, и сам великий шаман трусливо метнулся к пологу, словно мышь от горносталя.

Мельгытанги распугали громом и огнем собак, заставили бежать в тундру воинов, выставленных на дозоре с копьями.

Иктеня, распихав женщин, забрался вслед за шаманом в полог. Якаяк растерянно крутил в руке каменный топор и выронил его, как только первый бородач вошёл в юрту. Укутанный до пят в тяжелую медвежью шубу, из-под которой выглядывали блестящие доспехи, он весело взглянул на людей, прищурился:

– Поздорову ли живём?

Быстрые, с огоньком глаза так и сверкали на его сухом чернявом лице. Твёрдо очерченные губы указывали на его непоколебимость и решительность, но улыбка, простодушная, почти детская, выказывала добрый нрав. Но Иктеня, разглядывая незнакомца через дырку в пологе, заметил в его глазах блеск холодных льдинок. Плохая примета: значит, мельгытанин горяч и вспыльчив, сначала снимет голову с плеча – потом помилует.

– Я принёс вам привет от Руси, от батюшки-царя, – продолжал незнакомец.

Тут из-за его спины выскочил толмач[15 - толмач – переводчик], быстро забубнил по-корякски. Все с почтением внимали ему. Якаяк, насупившись, молчал. Лучшие люди его рода, бывшие в юрте, боялись сказать «амто!»[16 - амто – здравствуй! (корякск.)]. Как-то ко всему этому отнесётся Иктеня?

В наступившей тишине все услышали, как князец выпустил на волю злого духа. Мельгытанин, насмешливо взглянув на полог, велел толмачу:

– Пойди погляди! Это кто там воздух портит?

Толмач долго возился за пологом, что-то сердито бубнил и резко вскрикивал. Наконец он сумел выпихнуть вспотевшего, упирающегося Иктеню к очагу, а вслед за князцом вывалился и шаман, и как был – на четвереньках – проворно, по-собачьи заваливаясь на бок, перебежал в самый темный угол. Металлические подвески и колокольчики, которыми он был увешен, оглушительно зазвенели.

– Это и есть сам Иктеня, – сказал толмач и подтолкнул князца к бородачу.

– А я – Владимир Атласов, – прищурился мельгытанин.

Иктеня, закрыв глаза от бессилия и злобы, стоял прямо, пытаясь сдержать дрожь губ.

– Помнишь, как Морозка приводил тебя в ясак? – спросил бородач.

Как не помнить? Вон как толмач Иван Енисейский, насупившись в усы, глядит на хозяина пенжинской тундры. Не даст соврать! Великий тогда вышел бой у коряков с пришельцами. Склонили мельгытанги оленных людей к платежу ясака. Иван Енисейский объяснил корякам, что их землю милостиво берет в управление великий русский вождь, которого следует звать царём. За то, что он станет защищать тундровиков от врагов, ему надо будет платить дань – меха соболей, лисиц, куниц. О том же самом, как Иктене рассказывал ещё его дед, твердил и мельгытанин Федот Попов. Вместе с другими пришельцами он обосновался на реке Парень. И был среди них один особенно буйный, хитрый – Анкудинов его звали. Дед сказывал: коряки, убоявшись, что пришельцы сделают

их своими рабами, напали на зимовье и убили их...

– Ну, помнишь? Ивана Енисейского узнаёшь? – повторил Атласов и нетерпеливо притопнул ногой.

Иктеня молча кивнул головой: помню.

– Обманул ты нас, старая лиса – продолжал Атласов. – Ясак не платишь, скрываешься в тундре, судьбой аманатов не интересуешься...

Князец, чувствуя вину, опустил голову.

– Мы могли бы убить тебя как собаку, – нахмурил брови Атласов. – Но милость нашего государя безгранична: ты будешь прощён, ежели пошлешь в стольный Москву-град доказательство своей преданности – меха лисьи и собольи. И в немалом числе.

Услышав перевод толмача, Иктеня обрадовался, хотя и не подал вида. Полегчало у него на сердце: значит, не прервётся нить его жизни, а там видно будет, кто останется в тундре этынвылгыном – хозяином. Мельгытанги придут и уйдут. А Иктеня здесь жил и будет жить.

– Будет ясак, всё будет! – закивал князец. – Коряки уважают Большого мельгытанина Атласова...

– Большого мельгытанина многие уважают, – усмехнулся Атласов. – Вместе со мной пришли юкагирские знатные люди во главе с Омой.

– Знаю Ому, знаю, – заулыбался Иктеня. – Хороший человек Ома, искусный воин. Коряки желают с ним дружить. Но мельгытанги выше него. Мы уважаем вас. Всё, что у нас есть, поделим с вами поровну.

– Ну, и хитрый же ты лис, – цокнул языком Атласов. – Мягко стелешь, да жёстко спать...

– Ва-а! Зачем жёстко спать? – не понял Иктеня. – Мы вам самые мягкие и теплые кукули выделим, в полог к женщинам положим спать. Мельгытанги любят

молодых корячек?

– Любят, – рассмеялся Атласов. – Только не любят, что ваши женщины редко моются. А так – любят, не отказываются...

– Иктеня хочет вкусно накормить мельгытангов, – сказал князец. – Наши женщины развлекут вас плясками...

К вечеру в юрты набились люди Большого мельгытанина, свободные от караула. Сбросив шубы и оставшись в кольчуге, они степенно уселись у очагов. Над огнищами на поперечинах, положенных на боковые колышки, висели котлы. В них варилась оленина, распространяя сытный запах. От дыма и пара, поднимающегося от бурлящего кипятка, першило в горле, и некоторые казаки, еще не привыкшие к этой особенности жилья аборигенов, то и дело выбирались наружу, чтобы дохнуть свежего морозного воздуха.

Женщины ловко выхватывали из кипятка куски оленины и бросали их остужаться в деревянные лотки. Стоило им недоглядеть, и собаки, которых держали в юртах, проворно хватали хороший кус и кидались в угол. И если хозяева или их дети это замечали, то непременно отбирали у воришки добычу и, даже не обтерев кусок от грязи и не срезав надкусанное, снова кидали в лотки.

Атласов, Иван Енисейский, Потап Серюков, юкагирские знатные люди в юрте князца чувствовали себя вольно. Иктеня, желая развлечь гостей, взял бубен и забил по нему лапкой орла – священной птицы коряков. Женщины встали на колени и запрыгали по кругу как лягушки: скок-прыг, прыг-скок. Они всплескивали руками, крутили бёдрами, как блудницы, и что-то гортанно выкрикивали. Эта странная, не похожая ни на одну из русских, пляска казаков не удивила: подобное они видели в чукотских чумах.

Иктеня передал бубен якаяку и, держась за лоб, сказался нездоровым.

– Пойду в юрту шамана, – сообщил он. – Пусть покамлает – выгонит злого келе из головы...

До поздней ночи казаки ели, пили, веселились. Перед сном Атласов вышел проверить посты. Всё было благополучно. Возвращаясь назад, заметил: из юрты

шамана выскользнул казак.

Начальный человек попытался рассмотреть, кто это был, но резкий порыв ветра поднял снежную пыль и скрыл тёмную фигуру.

Встречь Солнца

(Продолжение записей И. Анкудинова)

Чай Омрелькота

Прохладный ветер подталкивал вперёд тяжёлые серые облака, урчал и разрывал их сплошную пелену. Но в небе нет-нет да и вспыхивали синие оконца. Постепенно открылось солнце, и река ожила, заискрилась серебристой рябью.

«Прогресс», рассекая воду, мчался вперёд, и холодные брызги приятно охладили лицо. Так мы шли и час, и другой, пока не увидели на берегу костёр. У палатки на оленьей шкуре сидела старуха в узорчатом халате, что-то шила. Над огнём кипел котел, рядышком сверкал бок пузатого медного чайника – видимо, его недавно хорошо отдраили речным песочком.

Старуха обернулась на звук мотора и приставила козырьком ладошку ко лбу, пытаясь разглядеть, что за люди плывут на лодке.

– Э! Да это Экым, – сообщил Лёша. – Мамушка деда Омрелькота. А где ж сам старик?

Словно услышав его вопрос, из палатки вылез сухощавый дед, в отличие от бабки совсем не колоритный – в обычных серых брюках, выцветшей клетчатой

рубашке и соломенной шляпе.

– Омрелькот, – заулыбался Лёша. – Этого деда зовут Омрелькот. Недавно ему новый паспорт оформляли – взамен старого, ещё советского, и паспортистка говорит: «Что это за имя у тебя, дед? Гастрономическое какое-то! Звучит как антрекот. Давай подберём тебе благозвучное имя...» Так ты знаешь, как Омрелькот возбуж? Так обиделся, что даже жалобу хотел написать. А ведь такой спокойный, тихий старик...

Омрелькот замахал нам руками:

– Э-эй, люди! Чаевать давайте!

Через несколько минут мы уже сидели у костра. Старушка выловила из котла дымящийся кусок оленьего мяса и расторопно нарезала его дольками:

– Кушайте, кушайте... Однако мясо – солонина. Летом, однако, редко свеженину кушаем.

– Ладно тебе, – сказал дед Омрелькот. – Люди, чай, не с луны свалились – свои, пенжинские, понимают: летом мяса нет, олешку зимой кушают. Вот другую еду найду...

Он залез в палатку, покопался там и вынес две пластушины юколы почти вишневого цвета.

Мы ели её так, как полагается настоящим тундровикам: откусывали кусок хлеба, вслед за ним – дольку рыбы и запивали горячим тёмно-красным чаем.

– Кирпичный, однако, чаёк, – приговаривала Эким. – Из старых запасов... Давненько в Каменный не привозят настоящий кирпичный чай. Всякий есть, а этого нет...

– Гранулированный заваривайте, – подсказал Лёша. – Он тоже крепкий.

– Э, нет! – шутливо замахала руками Эким. – Он помёт леммингов напоминает...

Ни о чём серьёзном мы не говорили. Пока гость не наестся, его о делах не расспрашивают – таков этикет тундры. А вот после обеда мы постарались удовлетворить любопытство стариков.

– Ва-а! – нахмурился Омрелькот. – Кресты – место нехорошее, злое. Там птицы не живут.

– И-и, – поддакнула Экым, не выпуская изо рта длинной трубочки.

– Ничего, – улыбнулся я. – Мы злых духов не боимся.

– Зачем вы туда идёте? – покачала головой Экым. – Гнилое место, худое!

– Может, эти кресты поставили лет триста назад русские казаки, – объяснил я старикам. – Вот мы и решили проверить: так это или не так?

Экым вынула трубочку изо рта, что-то по-своему сказала Омрелькоту. Тот кивнул, не спеша поднялся и ушёл в палатку. Минут пять, что он там провёл, Экым невозмутимо покуривала свою трубочку, уставившись щелочками глаз в одну ей ведомую даль.

– Вот! – сказал Омрелькот, снова вернувшись к костру. – Мы с Экым нашли!

Я принял от него большую желто-серую пластину. На её краях виднелись два аккуратных отверстия, в центре – рваная дыра.

– Что это?

– Панцырь, – сказал Лёша. – Такой панцырь наши предки носили. Верно, дедушка?

– Ага. Пришивали его спереди на груди, а поверх надевали куяки[17 - куяки – латы (корякск.)] из нерпичьих шкур...

– Неподалёку от тех крестов нашли, – пояснила Экым. – Видите, из ружья прострелен. Давным-давно, однако.

– В музей хочу его отдать, – Омрелькот провёл рукой по гладкой поверхности панциря. – Пусть там хранится...

– Э! – засмеялась Эким. – Ты, глупый человек, уже отдал туда гычгый. И что? Сразу три олешка копыткой заболели.

– Так то – гычгый, – смущённо насупился старик. – Панцирь – дело другое. Он уже ничей.

– А что такое гычгый? – заинтересовался я.

– Эким – чукчанка, – объяснил Омрелькот. – У них в роду обычай на каждого оленя делать рогульки из веточек – гычгый. Как родится олешек, так и заводят гычгый. Старики говорили: сломаешь эту штучку – олень пропадёт. Гычгый берегли, никому не показывали, а когда оленя забивали, то его гычгый сжигали. Считалось, что душа животного вместе с дымом попадала на небесное пастбище.

Эким невозмутимо покуривала трубочку, но что-то ей определённо не нравилось в рассказе Омрелькота: она презрительно оттопырила нижнюю губу и почему-то нахмурилась.

– Когда я отдал гычгый в музей, то, однако, важеньки Эким вправду копыткой заболели, – продолжал Омрелькот. – Что поделаешь? В то лето много оленей от неё пострадало. Гычгый плохо стадо охраняли...

– Да что ты понимаешь! – рассердилась Эким. – Пятьдесят пять лет с чукчанкой живёшь, а обычаев наших не знаешь! Стадо олешек охраняет помощник – камушек такой. Его обычно в оленьих внутренностях или в рыбьей требухе находили. Помощнику шили одежду и привязывали его к связке гычгый-гыргыр пусть пасёт стадо!

Омрелькот и Эким устроились на берегу Пенжины не ради собственного удовольствия: бригадир оленеводов выслал их для встречи грузов. На катере сюда должны были доставить керосин, консервы, мехпалатки. Всё это добро старики будут стеречь, пока из тундры не придет вездеход, который обслуживает сразу несколько бригад.

– Не скучно вам тут одним? – спросил я.

– Так спрашиваешь, будто в газете про нас хочешь писать, – усмехнулся Омрелькот.

– Разве не видишь, что скучать нам некогда? – засмеялась Эким. – Я бисером вышиваю, старик рыбу ловит и вялит, травы и коренья сушим. Когда скучать-то?

Эти старики каждое лето гостили в бригаде своего сына: дома сидеть тоскливо, так и тянет в привольную тундру, да и приработок к пенсии – не лишний, и, опять же, в коллективе – свои люди. А то, что они оказались на берегу Пенжины одни, – так это временно, да и одинокими старики себя не чувствовали: каждый день по реке проплывали то рыбаки, то геологи, то туристы – так что гости у костра не переводились.

– Мало чаю выпили, – огорчилась Эким, когда я сказал, что нам пора отчаливать. – Не понравилось, однако, наше угощение...

– Да что вы, бабушка! Лучше вашей юколы во всей Камчатке не сыскать, – подбросил я леща. – И чай хорош. Вы в него что за травку добавляли? Прекрасный аромат!

– В травках я ничего не понимаю, – Эким даже раскраснелась от моих комплиментов. – Что под рукой есть, то и бросаю в заварку: листья брусники, голубицы, морошку...

Мотор долго не заводился, и Эким, искренне сочувствуя нам, громко охала, чем довела обычно невозмутимого Лёшу до белого каления. А километров через пять мы наскочили на мель и, уже выбравшись с неё, чуть не пропороли днище лодки о коряги, затаившуюся в воде.

Всё это мелочи, для северных рек обычное дело: здесь не зевай – гляди в оба!

Необходимый камень Прибылова

К месту, где должны были стоять кресты, приплыли вечером. Лодку вытащили на широкую песчаную косу и привязали к коряге, внушавшей доверие своей массивностью: в случае шторма удержит «Прогресс».

Осматривая лодку, Лёша обнаружил под задним шпангоутом небольшую аккуратную дырку – пришлось снять мотор и освободить корму от нехитрого груза.

– Может, завтра прошпаклюем? – спросил я.

Лёша молча помотал головой.

– Охота тебе возиться с лодкой, потом сделаем. Скорей бы к крестам!

В ответ Лёша повернулся ко мне спиной и принялся ошкуривать металл. Делал он это основательно и методично. И я понял: памятных знаков, если они существуют, мне сегодня не увидеть.

– Лёш, скажи хоть, в какой они стороне?

– Ну, что ты всё канючишь? – Лёша выпрямился и укоризненно посмотрел на меня, но всё-таки махнул рукой на восток. – Смотри туда – увидишь...

Но в той стороне, куда он показал, выгибался лишь горб лысой сопочки, так что гляди – не гляди, крестов не вымотришь. До сопочки километра три, причём, место – не из лучших: низкая трава, кое-где ложбины с сухой осокой...

Я сделал несколько шагов и чуть не провалился в яму, скрытую кустиками голубики. И как это я её не заметил? Конечно, без Лёши и думать нечего пускаться в путь: он опытным глазом заметит тяжёлый ил под кочками, ложбину с ледяной водой, коварную трясину, замаскированную ковром из брусники...

Вздыхнув, я принялся ставить палатку, потом носил сушняк для костра, потом наловил рыбы, а Лёша всё колдовал и колдовал над «Прогрессом». Поскольку в технике я ничего не смыслил, а бездельничать было стыдно, то принялся варить уху.

Лёша, наконец, оторвался от лодки, удовлетворённо потёр руки:

– На сегодня – баста, устал до чёртиков! Знаешь, о чём вдруг подумал? Вот у нас есть палатка, консервы, транзистор – хорошо живём, да? А у казаков-первопроходцев только и было – ноги, оружие да сильная воля. Что их вообще сюда, в этот гнилой край, тянуло?

Подобные вопросы возникали и у меня, когда читал в разных исторических сборниках казацкие челобитные царю: повествовалось там об адских муках и лишениях, о голоде и холоде, авторы слёзно жаловались на судьбу, но вот поди ж ты, шли вперёд, туда, откуда каждое утро поднималось солнце. Пробивались через таёжные дебри, буреломы, сплавлялись на дощаниках по буйным рекам, строили переправы, уклонялись от града стрел воинственных иноверцев. Называя себя «гулящими людишками», казаки уходили в дальние походы и открывали новые земли. Что ими двигало, какие чувства и помыслы? Только ли стремление к богатствам приобретённых «землиц»? Нет, сокровища доставались считанным единицам, остальные по-прежнему терпели нужду...

– Я думаю, Лёша, они больше всего любили свободу. Вот и бежали на необжитые места подальше от жестокой власти и рабства. Но вот ведь ирония судьбы: вслед за казаками появлялись государевы приказчики, гарнизоны, суды... И снова «гулящие» шли вперёд, и в этом движении встреч солнца они были вольны.

– Какая там воля! – удивился Лёша. – Они ж на государеву службу сознательно вставали!

– Я ещё не всё сказал. Вот был, к примеру, такой первопроходец Прибылов. Он шестнадцать раз выходил в море, искал дорогу к новым землям, но постоянно натыкался на какой-то, как писал в отчетах, «необходимый камень» – мыс, препятствие какое-то, в общем на что-то такое, что на своём судёнышке Прибылов обойти не мог. Шестнадцать раз возвращался с неудачей, а на семнадцатый открыл острова в Беринговом море! Обошёл-таки Камень, нашёл свою дорогу, понимаешь? Это, если хочешь, синдром Колумба: люди идут в моря, на край света и никогда не довольствуются доступным – желая большего, двигают жизнь вперёд. Они, может, об этом и не думали, просто: вперёд, чтобы раньше всех увидеть будущее...

– Хм! Романтика...

– Да как ты не понимаешь? Вот Атласов увидел, узнал Камчатку, а для других она ещё как бы и не существовала. Не было её для других! Он вроде как побывал в будущем и сделал его настоящим, чтобы это настоящее другие снова превращали в будущее – открывали месторождения, стирали с карт «белые пятна», строили города... Понимаешь?

А может, всё куда как проще, – задумчиво сказал Лёша. – Их двигало обыкновенное человеческое любопытство: что там, за горизонтом? Ведь когда взбираешься на востряк[18 - востряк – горный пик, острая вершина гор, островерхая гора (например, Жупановские Востряки на Камчатке)], с него открывается новая даль, и разве тебе самому не хотелось её достичь?

Кстати, о далях, – вспомнил я. – Интересно, что древнерусское слово «всток» означало «подъем», «восхождение», «восход». Восток, всток, сток – так в некоторых северных областях называют восточный ветер. Холодный, пронзительный ветер вроде того, от которого наша палатка завалилась, дующий с Охотского моря на западное побережье Камчатки – это тоже восток. Улавливаешь: «всток» – подъём, «восток» – ветер... Ветер, помогающий восходить!

Да ну тебя! – махнул Лёша рукой. – Сильно умный! Всё непонятное любишь говоришь...

Мы ещё долго спорили и спать легли поздно, но сон был недолгим: ипо крыше палатки словно кто-то забегал, притопывая ногами, а потом – бух! – поскользнулся и раз, другой хлопнулся о брезент, и тут же дико завыл ветер, палатка упала, облепив нас сырой тканью.

Кое-как мы выбрались из-под палатки. Тугие колючие струи дождя согнали последние остатки сонливости. Ветер играючи поднимал сучья, забивал рот жухлой травой.

– Лодка! – закричал Лёша. – Сорвёт с прикола!

Вода струилась по щекам, шее, вливалась за шиворот, била по ушам – отвратительнейшее ощущение. Держась друг за друга, мы легли на ветер:

казалось, взмахни руками – и тебя потащит над землёй, закрутит, как лёгкий лист бумаги.

Подавшись вперёд, растопыбив руки, мы шаг за шагом приближались к берегу – за пеленой дождя его и видно не было. И вдруг ветер стал стихать. Будто кто-то ему команду дал. Сквозь серую завесу я рассмотрел: коряжина на месте, а лодки – нет. Где ж она?

И тут по реке метрах в пятнадцати от нас заскользил какой-то тёмный силуэт. Своими очертаниями он напоминал громадную фигуру женщины...

Мельгытанги – огненные люди

(продолжение)

...Ночью завыл, зарокотал в поднебесье ветер. Атласов приподнял голову, отяжелевшую от крепкого сна, и глянул на огнище. Оно тускло мерцало затухающими углями. Над головёшками в переменчивом свете неясная, будто из тумана, плясала шаманка – плыла, быстро перебирая ногами, в воздухе, то поднималась, то опускалась над очагом и, плавно взмахивая руками, кружилась, кружилась...

Владимир ещё в Анадырском остроге слышал рассказы о диковинной шаманке, которая камлает в пенжинской тундре. Бывалые люди сказывали: жениха своего ищет. И все страшные пурги и бураны через неё случаются: так громко плачет и воет, что ветры буйством своим воздымает.

Он перекрестился и, усмехнувшись, зажмурился: негоже казаку во всякую чужь верить. А когда открыл глаза, то окончательно понял, что шаманка ему померещилась. Над огнищем вился лишь слабый голубоватый дымок.

Атласов поднялся с оленьих шкур, отряхнул приставшие к рубахе жесткие волоски, накинул на плечи шубу и вышел на волю. Аспидно-чёрное небо, казалось, прижималось к самой земле – ни простора, ни воздуха, и только у окоема нет-нет да и возникала волна позарей[19 - позари – отблески северного

сияния (камч. диалект)]– слабые и бледные, они быстро тускнели, чтобы через миг-другой вспыхнуть вновь. В тундре ощущалось лёгкое движение– перекатывались комочки снега, с неба сорил мелкий белый пушок. Холод остудил голову, и она стала ясной.

Далёкие земли манили Атласова с детства, и в желании достичь их он был истинным казаком. С тех пор, как русские устремились за Урал, в Сибири ставились новые остроги, распахивались поля – налаживалась переселенческая жизнь, а волна смельчаков катилась дальше, на Север, призывая малые народы под покровительство России и её защиту. Камчатские князцы, признав силу русских, старались избегать столкновений, не пускали пришельцев вглубь своих владений. В глаза улыбались, подобострастно кланялись, но стоило зазеваться – и, того и гляди, получишь удар копья в спину. Коряков страшили лишь «огненные палки» бородачей. Они считали, что мельгытанги дружат с высшими духами, которые и подарили им волшебный огонь, разящий наповал.

Поговорив со сторожевыми, Атласов пошел к своей юрте. И только хотел откинуть её полог, как вдруг словно кто-то потянул его назад. Он, обмякнув, почувствовал, как раз-другой что-то сверкнуло и задрожало перед глазами, тёмный снег поплыл мимо, а в ушах пронзительно зазвенели серебряные колокольчики. И тотчас ярче засверкали позари, и прямо из их сердцевины возникла женская фигура. Она медленно плыла в стылом воздухе, вот уже и лик её близок – бледный, как льняной рушник, ни кровинки в нём: и есть лицо, и вроде как нет. Но недолгим было виденье – дунул ветер, поднял снежную пыль, и чужь в одночасье растаяла...

Атласов недоумённо огляделся, помянул крепким словом всех басурманских нечистых и вошел в жилище. Сбросив шубу, тяжело упал на мягкие олени шкуры и закрыл глаза, надеясь заснуть. Но не тут-то было. Его тревожили редкие пронзительные завывания ветра, похожие на женский плач.

– Пустое, – пробормотал он. – Блазнится мне это...

И всё-таки, прислушиваясь к завыванью вьюги, он долго ворочался, мучился вопросом: к чему бы это виденье? Неужто взаправду существуют духи? А ведь отец говорил: верь только в Бога, духи – это всё шаманские сказки! Они специально выдумывают всяких страшилищ и пугают ими своих соплеменников. Темные люди, стало быть, вынуждены просить у шаманов заступничества и помощи: не идёт охота, дохнут олени, рыба не ловится, хвори одолевают –

значит, злые духи вредят, и нужно устроить камлание, чтобы их изгнать. За это тундровики кормят-поят шамана, лучшие вещи ему отдают.

Может, и нет никаких духов. Но что же он, Владимир, тогда видел? Совсем рядом та чудь была, если бы мзловчился – за рукав кухлянки мог её схватить... Нет, не примерещилась она! А что, если это знак? Не хочет, проклятая, пускаться вглубь тундры, прельщает своими чарами, пугает...

Поход Атласов затеял по своему желанию. По Сибири давно ходил слух о богатой земле за велики горами, тёмными лесами, на самом краешке земли: много там рыбьего зуба и собольков. На чертеже Сибири, составленном по распоряжению тобольского воеводы Петра Годунова[20 - В 1667 году, т. е. за 30 лет до прихода Атласова на Камчатку], показана была река Камчатка. Атласов с удивлением прочитал такое объяснение «Списка»[21 - «Список»-объяснительная записка к Чертежу Сибири]:»... а против устья Камчатки-реки вышел из моря столп каменный, высок без меры, а на нём никто не бывал».

Видать, русские гулящие люди те места хорошо прознали, вон какая точность! И не в честь ли казака Ивана Камчатного прозвана та далёкая река? Надо бы хорошо стариков порасспрашивать, они-то знают, откуда пошло такое название. Иван Камчатый дважды хаживал в земли дальние для государева ясачного соболиного сбору и для поиска и привода под царскую высокую руку неясачных закаменных туземцев – прошёл Пенжину, Парень, верховья Чендона. Вместе с Федором Чукичевым со товарищи и до Камчатки-реки, сказывают, доходил.

Владимир Атласов долго служил в Сибири, слышал множество рассказов о землях незнаемых. Казачья вольница в Якутске затевала даже поход через Анадырь на Камчатку, и не сухопутно – по морю! Тогда некоторые казачки хотели пороховую и свинцовую казну пограбить, и стольника, и воеводу, и градских жителей побить, а торговых и промышленных людей пограбить, после чего – бежать на край земли, где никто их вовек не сыщет. Но заговор был раскрыт, и воевода Дмитрий Зиновьев в 1690 году учинил его участникам жестокое наказание, чтоб впредь неповадно было разбойничать, да и другим – наука.

Владимир Владимирович хотел дойти до края земли, потому и сделал всё, чтобы попасть на службу в Анадырское – далёкий российский острог. Казалось бы, для свободной жизни на новых местах совсем не обязательно было забираться в такую тьмутаракань: в те времена даже на Урале, не говоря уже о Западной

Сибири, имелось достаточно территорий, где можно надежно укрыться от бар и государевых приказчиков, чтобы жить своим хозяйством. Но Атласову, как и многим другим казакам, служба в одном месте казалась смертной скукой, а занятия хлебопашеством вовсе не прельщало. В этом они в чём-то были схожи с береговыми и оленными коряками: первые жили оседло, для вторых смысл существования заключался в движении. Возможно, эта неуёмная страсть к перемене мест, которая испокон веков лишает некоторых из нас спокойствия, и бросала казаков в рискованные походы, заставляла открывать незнаемое, и, быть может, это про них говорилось в сказке: пойдёшь туда, не знаю куда, найдёшь то, не знаю что. Эта страсть первооткрывательства зовёт человека и в неизведанные земли, и в морские пучины, и на вершины гор, и в космос...

Владимир Владимирович не случайно добился перевода в Анадырское: через него лежал путь на Камчатку. Начальным человеком в остроге пребывал Андрей Цыпандин, старинный друг Атласова. Однако судьба распорядилась так, что Владимир Владимирович вошёл в подчинение весьма заносчивого сына боярского Семёна Чернышевского.

Ох, и плут был Семёшка! Чужими руками жар загребал, чащинами безмерно пользовался. Не из-за него ли и погиб анадырский приказной Василий Кузнецов?

Чернышевский заставил отряд Кузнецова отправиться вглубь чукотской земли собирать дань. Казаки долго шли морем и сушей, а в ночь на декабря шестого дня 1662 года туземцы, набросившись скопом, вероломно их перебили. А всё потому, что Чернышевский велел брать с чукчей большой ясак, который был им не по силам.

Чернышевский расвирепел и пошел на чукчей походом – решил их жестоко наказать, чтоб впредь не повадно было своевольничать. Все эти оленные князьки раз и навсегда должны уяснить: русский царь – грозный царь, и кто худо относится к нему и его людям, того ждет суровое возмездие. Но если даже государь и смилостивится, ибо не лишён великодушия, то его наместники не так отходчивы и вершат суд по своему разумению. Здесь, на краю земли, он, Чернышевский, – повелитель, и нет никого главнее. Не должно туземцам о том забывать.

Поход, начавшийся в ясную морозную погоду, омрачил нежданный – негаданный буран. Выпал глубокий снег, и упряжки пробивались в нём вслед

за бродовщиками: те надевали лапки и, оставляя собак на отдых, шли версту-другую вперед, по лыжне возвращались назад, вели упряжку по проложенной тропке, снова – на лапки, и так – весь день.

Чернышевский поторапливал бродовщиков, а когда аргиш[22 - аргиш – караван из собачьих (оленьих) упряжек] накрыл еще один буран, не смог скрыть испуга: замерзнем, погибнем!

Но чукчи-проводники споро вырыли в снегу ямки, завернулись в кухлянки и преспокойно улеглись отдыхать.

– Будто медведи, – заметил Чернышевский. – Не впервой это вижу, но всякий раз диву дивуюсь: дикий народец!

– Они знают, что делают, – не согласился с ним Атласов. – Ежели не приспособились бы к невзгодам здешней природы, то не выжили бы. Нам у них учиться надо. Глянь, что они делают...

Проводники засыпали себя снегом, повернулись в нем – у каждого получилась эдакая пещерка, вверху которой они проделали отверстия для дыхания. В таких укрытиях чукчи обычно пережидали затяжные бураны.

Чернышевский, не желая следовать примеру проводников, едва не застыл. Меховую палатку, в которой он спал, продувал ледяной ветер, а огонь разводить побоялись: ровдуга[23 - ровдуга – оленья кожа особой выделки] могла вспыхнуть.

Одетый в несколько кухлянок и тесную кольчугу, Чернышевский промерз до костей. Хуже всего было то, что намокшая меховая одежда сковала льдом кольчугу, и она охватила грудь ледяным панцирем. К утру Чернышевского разбила его лихоманка: малейшее движение рукой ли, ногой ли причиняло нестерпимую боль, аж в глазах темнело. Но помогли те самые чукчи, которых так презирал боярский сын: они развели два костра, обогрели страдальца между ними, намазали его нерпичьим жиром, влили в рот какой-то дурно пахнущей настойки – и очнулся, ожил начальный человек.

– Клади спина огонь, – на ломаном русском языке сказал один из проводников. – Спина – не болеть!

Чернышевский понял, что старик-чукча предлагает ему прогреться по местному обычаю: на ночь лечь к огню голой спиной, хорошо укутав грудь мехами. В таком виде иноверцы засыпали крепким сном, и даже если костер гас и тело покрывалось инеем, спали без просыпу и, что интересно, они никогда не простывали. Но боярский сын не принимал этот обычай:

– Гляньте! – смеялся он. – Ровно чурки лежат, даже не пошевеливаются! Разве можно спать с голой спиной? Она должна быть защищена. Ежели тать нападет ночью, то враз спины-то пиками попрытыкает...

У него был резон не доверять даже тем аборигенам, которые служили проводниками. Некоторые из них не случайно шли в услужение к русским казакам: старейшины чукотских и корякских родов засылали их в остроги и зимовья как разведчиков. Они должны были изучить повадки мельгытангов, их обычаи и пристрастия, понять их сильные и слабые стороны.

– Не верю я им, – говорил Чернышевский Атласову. – Мы для них чужие. Они только и ждут подходящего момента, чтобы нас истребить...

– Да ведь и у нас есть пословица: незваный гость хуже татарина, – отвечал Атласов. – С чего бы они радовались нашим походам? Но только огнем да мечом не приведем мы их под высокую государеву руку. Пусть иноверцы поймут, что несем им добро...

– То-то, гляжу, частенько ты с ними якшаешься, – упрекнул Чернышевский. – Может, худое что замышляешь?

– А худо ли тебе прикрывать очи чукотскими козырьками? – вопросом на вопрос ответил Атласов.

– Не худо...

– А ведь их дикая чужь придумала, – усмехнулся Атласов и покачал головой. – Они тут, в снегах, испокон веку живут, и знают, что нужно делать, чтобы свой живот сохранить. Вот это я у них и выведываю.

Козырьки, а также особенные очки, сделанные из коры стланика – эдакая полумаска с узенькими щелочками, очень выручали казаков в том походе. Белый-пребелый снег, отражая солнечные лучи, слепил глаза. От постоянного напряжения они начинали слезиться, а веки наливались свинцовой тяжестью. И если бы не изобретение туземных умельцев, то многие служивые ослабли бы глазами.

Стояли лютые морозы, и чтобы согреться, Чернышевский много пил. Соблазняясь он и красным лисьим мехом, который подносили ему чукотские старейшины. И чем больше даров получал, тем его гнев тише становился.

– Пора в острог возвращаться, – сказал он однажды. – Тех вероломных иноверцев, что побили отряд Кузнецова, нам не сыскать. Завтра к Анадырскому поворачивать будем...

И тут Атласов вспылил.

– Плут ты и вор! – закричал он. – Знамо дело, почему не отомстил убивцам! Задобрили тебя дарами! В государеву казну кладёшь худых собольков, а лучших себе оставляешь.

– Батогов захотел испробовать? – взъярился Чернышевский. – Хватайте его, казаки!

Но не тут-то было. Атласов – мужик жилистый, закаленный – в руки не давался. Мало того, отпугнул от себя даже верных приказному служивых:

– Значит, дружбу с Семёшкой водите? Знаю на него слово и дело государево!

Слово и дело – страшное заявление. Не только казаки – сам Чернышевский порядочно испугался и не решился наказать бесстрашного Атласова в походе. Зато в Анадырском учинил ему допрос, велел бить кнутом, затем и вовсе в Якутск отправил. Знал: воевода не любит горячих людей и строго их наказывает.

Но на пути в Якутск Атласов встретил в Нижне-Колымском зимовье своего старинного друга Андрея Цыпандина. Оказалось, что до воеводы дошли слухи

о лихоимстве анадырского приказного, и он поручил Андрею снять Чернышевского с должности.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

аманат – заложник.

2

азям – род верхнего платья, кафтана.

3

рёлка – мелколесье

4

лог – большое низкое место

5

даур – так называют в Приамурье возвышенности (сопки).

6

кукуль – эвенский меховой спальный мешок

7

Иди сюда! (корякск.)

8

Кута – божество

9

острожок – в значении: поселение

10

чаут – аркан

11

клеупечвак – молодой олень

12

пальм – нож на длинной рукоятке

13

бородатые курильцы – так в старину называли айнов – коренных жителей Курильских островов

14

камчадалы – народность, живущая на Камчатке и поныне

15

толмач – переводчик

16

амто – здравствуй! (корякск.)

17

куяки – латы (корякск.)

18

востряк – горный пик, острая вершина гор, островерхая гора (например, Жупановские Востряки на Камчатке)

19

позари – отблески северного сияния (камч. диалект)

20

В 1667 году, т. е. за 30 лет до прихода Атласова на Камчатку

21

«Список»- объяснительная записка к Чертежу Сибири

22

аргиш - караван из собачьих (оленьих) упряжек

23

ровдуга - оленья кожа особой выделки

Купить: https://tellnovel.com/ru/semchenko_nikolay/gorizont-kraya-sveta

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)